

Наталья Солнцева

Хозяйка книжного магазина

Мистический детектив (АСТ)

Наталья Солнцева

Хозяйка книжного магазина

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Хозяйка книжного магазина / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ», 2019 — (Мистический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-113452-5

«Она начинала улавливать подтекст событий раньше, чем какие-либо факты наталкивали ее на парадоксальные догадки...» К частному детективу Смирнову обращается за помощью сотрудник банка Стас Киселев. Он жутко напуган: накануне Стас со случайными приятельницами отправился на вечеринку в эзотерический клуб, который славится в городе своими кровавыми ритуалами. После посещения клуба одна из девушек бесследно исчезла. Пока Смирнов занимается ее поисками, погибает вторая девушка. В убийствах подозревают банду «Алая маска». Одной из ее жертв стала хозяйка книжного магазина «Азор». В ходе расследования сыщик неожиданно для себя попадает в водоворот мистических событий, где помогут только подсказки, которые владелица магазина особым образом расставила на полках. Но для кого подсказки предназначены на самом деле?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113452-5

© Солнцева Н. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Дорогой читатель!	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Наталья Солнцева

Хозяйка книжного магазина

© Солнцева Н., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Дорогой читатель!

Я написала уже более пятидесяти книг.

Каждая из них – мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Глава 1

Те, кто этого заслуживает, будут узнаны нами, и с ними будет установлен контакт особым образом...

(Из Парижского манифеста тайного общества, 1622 год)

Это был страшный, кровавый сон... мертвое тело на полу, изуродованное лицо... Бежать, скорее прочь отсюда!

Руки не попадали в рукава, пуговицы не застегивались. Пальцы соскакивали, не в силах справиться с тугими петлями. Скорее, скорее же! От нетерпения сводило челюсти.

Улица встретила хлестким, ледяным ветром, скользкими тротуарами, зловещей белизной снега. Словно весь город одет в погребальный саван. Остро, ярко ударили в глаза синь зимнего неба, холодная четкость, твердость линий. В очертаниях домов сквозила угроза.

Ноги сами несли к метро, к лестнице, ведущей вниз... в подземелье, где ходят по прорытым туннелям поезда, – в черноте, в глубине городской утробы. Наконец-то можно сесть,

передохнуть, расслабиться... В покачивающемся, постукивающем вагоне никто ни на кого не обращает внимания. Все едут рядом: добропорядочные граждане и преступники, старики, молодежь, дети с родителями, умники и глупцы, циники, лирики, счастливчики и неудачники, гении и бесталанные, беглецы, святоши, грешники, убийцы... Да, и убийцы тоже. С виду они ничем не отличаются от обычных людей. Разве что взглядом? Полно! И взгляд у них такой же, как у всех остальных. Может быть, чуть тревожнее, слегка напряженной. Они прячут глаза...

Поезд мерно шумел, укачивал; открывались и закрывались автоматические двери, кто-то входил, кто-то покидал светлые, блестящие вагоны. За окнами мелькали станции, огни туннелей, их бегущий мрак. Что таится в нем, когда последний по расписанию поезд замирает на рельсах, стихает, погружается в сон? Что происходит тогда в мутной тьме длинных извилистых коридоров, в шорохах, потрескиваниях, вздохах, глухом звоне падающих капель? Они отсчитывают время сна...

Непреодолимая волна дремы напоззла, накрыла и унесла с собой... далеко...

– Да, – негромко произнес мужской голос. – Мы уходим, чтобы вернуться.

Воцарилась полная, абсолютная тишина, только оплывали толстые свечи из воска, чадили...

– На кого пал жребий? – спросил тот же голос.

Из густого сумрака выступила фигура в монашеской рясе с надвинутым на голову капюшоном. По ряду присутствующих пронесся невесомый шепот.

– Не называй своего имени, брат! – предупредил голос. – Не открывай лица. Мы поручаем тебе исполнить то, что должно. Давай клятвы, делайся клятвопреступником, если требуется, но ни при каких условиях не выдавай нашу тайну.

Фигура в рясе опустилась на одно колено. Узкие языки свеч плавно колыхнулись, по стенам пробежали багровые блики, замерли... Едва слышно пророкотали слова не то молитвы, не то заклинаний и смолкли.

– В мире обмана негоже отступать от неписанных правил, – произнес голос. – Там, где все лживо, истина теряется среди нагромождений вымысла. В мире, призванном поддерживать невежество и потакать заблуждениям, приходится жить по его законам. Ступай, брат... и да пребудет с тобой наше благословение!

Фигура в рясе поднялась и удалилась, оставив после себя эхо шагов. Когда оно рассеялось под гулкими сводами, собравшихся уже не было. Свечи догорали в тишине и пустоте... пока не съезжился, затухая, последний фитиль...

Сон прервался внезапно, как и начался. С шумом, гамом ввалилась в вагон толпа возбужденных школьников. Они громко обсуждали последние новости, смеялись, подшучивали друг над другом. Молоденькая учительница тщетно пыталась утихомирить своих питомцев. Дети, судя по их болтовне, ехали на экскурсию в Кремль.

Вся эта веселая суeta, свет в вагоне, приветливая чистота и блеск станций, ясная, морозная погода наверху, на расчищенных от снега улицах Москвы, зимнее солнце, горящее в витринах и стеклах домов, румяные, свежие лица прохожих совершенно не вязались с оставшимся на затертом полу трупом в потеках застывающей крови, с ее приторным, удушливым запахом, мешающимся с запахами неухоженного жилья.

Какая нелепость ехать теперь вместе со всеми этими бодрыми, улыбающимися людьми... делая вид, будто ничего не произошло...

* * *

Во второй половине января Москва день за днем утопала в густых снегопадах. Солнце призрачным размытым пятном леденело в затянутом белой пеленой небе. Мороз крепчал. Над городом курились дымы, пар; тускло блестели огни. По бокам дорог лежали сугробы. Белые

крыши, белые кружева деревьев, замерзшая белая река, белые мосты серебрились в скупом зимнем свете. Прохожие торопились скрыться в сырое нутро подземки, в тесноту автобусов и троллейбусов, в переполненные салоны маршруток.

Хорошо было любоваться летящим за окнами снегом, сидя в тепле, в уютном сиянии настольной лампы, пить горячий чай и слушать, как поет в проходных дворах злая метелица.

– Ну и погодка, – вздохнул Смирнов. – Отличный фон для ледящего душу убийства.

– Как у тебя только язык поворачивается? – покачала головой Ева.

– Мозги застоялись! Пора им дать пищу для размышлений.

– Но не ценой же чьей-то жизни?!

– Люди убивают друг друга не потому, что есть сыщики. Скорее наоборот!

Всеслав Смирнов – красивый зрелый мужчина, бывший десантник, бывший командир спецназа, бывший охранник сильных мира сего – давно ушел со службы, но не на покой, а в частный сыск. На этом поприще Всеслав существенно выделялся среди своих коллег. Он принципиально не обзаводился офисом, не помещал в газетах объявлений с предложением услуг детектива, был разборчив в выборе клиентов и брался только за те расследования, которые могли увлечь запутанной интригой. При этом, как ни странно, недостатка в работе Смирнов не испытывал – иногда ему приходилось вести два-три дела одновременно. Высокая оплата, установленная сыщиком за оказываемую помощь, не отпугивала, а, напротив, привлекала к нему состоятельных людей, попавших по тем или иным причинам в затруднительное положение.

– Такое впечатление, что у богатых – одни проблемы! – восклицала Ева. – Неужели деньги непременно тянут за собой шлейф неприятностей?

– Скорее, опасных приключений, – усмехался Всеслав. – Жизнь подобна реке: на мелководье редко заплывает и крупная рыба, и крупный хищник. Большие корабли бороздят большие просторы и невольно подставляют бока ударам волн и штормовым ветрам.

Ева – любимая женщина Смирнова – постепенно переквалифицировалась из преподавательницы испанского языка в помощника по особо сложным расследованиям. Она еще давала уроки жаждущим выехать за границу, но делала это все менее охотно. Куда интереснее было разгадывать тайные замыслы преступника, идти по его следам и наконец разоблачать злодея.

Зазвонил телефон.

– Вот! – скорчила недовольную гримаску Ева. – Накаркали, господин сыщик! Придется теперь вам горячий ужин и мягкий диван сменить на мороз, выюгу, сухие бутерброды и беготню по городу.

– Ваша шпилька, прекрасная дама, не попала в цель! – парировал Смирнов. – Слушаю, – официальным тоном произнес он в трубку.

Однако дама оказалась права: звонил потенциальный клиент.

– Меня зовут Стас, – взволнованно произнес хриплый басок. – Стас Киселев.

– Кто вам дал мой телефон? – первым делом спросил сыщик.

– Эдик... Эдуард Проскуров. Он рекомендовал вас как лучшего профессионала, сказал, что вы его выручили в безвыходной ситуации. Видите ли... я работаю в банке, заведу одним из филиалов, а Проскуров является нашим вкладчиком. В общем... он оформлял через меня несколько кредитов, и мы познакомились.

– У вас что-то случилось?

– Да. Иначе бы я не звонил... Со мной произошло нечто ужасное! Вернее, не со мной, а... впрочем, это не телефонный разговор. Мы можем встретиться прямо сейчас?

– На завтра отложить нельзя?

– Нет, что вы! – в голосе Стаса прозвучала истерическая нотка. – Я не смогу уснуть! Мне... необходимо с кем-то посоветоваться.

– Хорошо. Где будем разговаривать? Бильярдная «Золотой шар» подойдет?

Смирнов бросил взгляд на часы – пять часов, уже смеркается. Ева показала ему кончик языка – так, мол, тебе и надо! Не сиделось дома? Иди, мерзни, топай по рыхлой снежной каше на тротуарах, толкайся в метро, торчи в душной бильярдной и выслушивай чужую исповедь.

– На машине не доберешься, – с сожалением сказал сыщик, глядя из окна во двор. – Застрянешь где-нибудь и будешь куковать. Волка ноги кормят!

– А пирог с мясом, который вот-вот поспеет? – ехидно пропела Ева. – А твои любимые грибы в сметане? А холодная «Перцовка»?

– Не трави душу.

Через четверть часа Смирнов, весь в снегу, уже спускался в метро. А в шесть он вошел в ярко освещенный бар «Золотого шара». За столиком, под картиной «Любители аперитива», написанной в размашистой манере импрессионистов, сидел молодой человек – кроме него, в баре никого не было. Увидев сыщика, парень привстал и вяло махнул рукой.

– Господин Смирнов? Я вас таким и представлял... мужественным, с широкими плечами. – Он опустил обратно на стул, его унылое лицо чуть оживилось. – Неужели вы сможете мне помочь? Господи, что я говорю? Кроме вас, мне не на кого надеяться.

– Изложите суть дела, Стас. И поподробнее.

Молодой человек поднес руки к вискам, сжал их и прерывисто вздохнул. Он был довольно высок, одет в темные брюки и свитер, аккуратно, модно подстрижен, с нервными, тонкими чертами лица.

– Это я виноват... мои дурацкие увлечения не довели до добра! Понимаете, я... сейчас у всех принято иметь какое-то хобби. Одни сидят в Интернете с утра до ночи, другие заводят собак диковинной породы, третьи голодают... ну, вы понимаете.

Сыщик вежливо кивнул.

– Следовательно, у вас тоже есть увлечение, Стас. Вы это пытаетесь мне сказать? Смелее, мой друг! Иначе мы просидим здесь до ночи, а я не успел поужинать.

– Д-да, простите. Давайте закажем что-нибудь, – робко предложил молодой человек. – Я не голоден, а вы...

– Какого рода ваше хобби? – перебил его Смирнов.

– Духовное.

– То есть? Вы верующий? Исповедуете какую-либо религию?

Киселев замялся.

– Я... люблю смотреть по телевизору эзотерические передачи, – краснея, выдавил он. – Захотелось попробовать кое-что на практике. В городе полно подобных тусовок... всякие там индийские общества, кришнаиты, последователи Ошо, любители трансцендентальной медитации, клубы спиритизма и прочее. Вот я и стал их посещать... по очереди.

– Зачем?

– Интересно... Я просто слушал, смотрел. Иногда брал с собой приятелей и... девушек, за компанию. Потом при случае мог вернуть *словцо*, какие нынче в моде: *карма*, например, *аура* или *биополе*.

– Блеснуть «духовностью»! – съязвил сыщик.

Стас опустил глаза.

– Вроде того. Вам смешно?

– Пока нет. И что же дальше?

Молодой человек оттянул ворот свитера, словно тот давил ему на горло, нервно поежился, оглянулся на дверь. Ему явно было не по себе.

– Есть такое общество... называется «Молох», – прошептал он. – Мне один парень про него рассказал, из этих... *друидов*.

– Кого? – не понял Всеслав.

– Я сам толком не знаю. Они вроде поклоняются деревьям, черпают у них энергию, что-то такое... «Лесные братья», в общем. Так *друиды* свою группу окрестили. Но это неважно! Дело в другом, в «Молохе». Я ведь, положи руку на сердце, ни во что сверхъестественное не верю. Балуются люди, развлекаются кто во что горазд – придумывают страсти-мордасти.

– Странное хобби для банкира, вы не находите?

– Я не банкир, а всего лишь наемный управляющий, – вздохнул Стас. – На работе я свои похождения стараюсь не афишировать. Да и значения им не придавал! Сейчас многие бизнесмены к магам обращаются, заказывают обряды на удачу в делах, на финансовое изобилие и разные другие штуки. Заигрывать с *нечистым* становится чуть ли не модным. Тема вампиров, ведьм, колдовства заполонила не только экраны и печатные издания, но и некоторые великосветские гостиные, молодежные тусовки.

– Как в семнадцатом веке при королевских дворах! – воскликнул сыщик. – Когда высшая знать увлекалась «черными мессами» и некий аббат практиковал дьявольские обряды в заброшенной церкви Сен-Марсель. Говорят, к его услугам прибегали чуть ли не коронованные особы, а уж фаворитки изменчивых монархов тем более не гнушались поддержкой «темных сил».

– Вы неплохо подкованы, – усмехнулся Киселев.

– Профессия обязывает. Однако вы ушли в сторону от волнующей темы. Не решаетесь признаться в главном?

– Боюсь показаться беспочвенным фантазером, – кивнул молодой человек. – Впрочем, раз пришел сюда, рискну создать о себе нелестное впечатление.

– Смелее! Сыщики, врачи и священники привыкли выслушивать все, что угодно. Судить – не их предназначение. Вы начинайте, а я буду перебивать, когда понадобится.

Стас глубоко вздохнул и приступил к своей истории:

– Мне тридцать один год, я не женат и ни с кем постоянно не встречаюсь. Влюбленности приходили и уходили; были два более-менее серьезных романа, но ни один не окончился браком. Я охотно знакомлюсь с девушками, провожу с ними время... в общем, надеюсь найти достойную подругу жизни. Этим летом судьба свела меня с двумя молодыми особами – Вероникой и Мариной. Они приехали в Москву из глубинки, откуда-то с Дона, из городка Шахты. Обе – воспитанницы детдома, ни кола, ни двора, ни близкой родни. Работали где придется, перебивались крохами, решили попытать счастья в столице.

– Опрометчивое решение. А где вы с ними познакомились?

– На улице, – смутился Стас. – Понимаете, мой папа – заслуженный тренер по плаванию; я тоже, естественно, хороший пловец. Раньше, еще во время учебы, отец брал меня на лето в лагерь, где я не просто отдыхал, а подрабатывал спасателем. С водоемами шутки плохи!

– Нельзя ли ближе к делу? – не выдержал сыщик.

– Я и говорю о деле. Чтобы работать спасателем, необходимо уметь не только отлично плавать, но и оказывать первую помощь: делать искусственное дыхание, массаж сердца и прочее.

– А при чем тут Вероника и Марина? Они что, тонули, а вы их спасали?

– Нет... то есть да. Я шел по улице – солнце, пыль, духота неимоверная, – увидел группу людей, подошел. Любопытство, знаете ли! Глянул – на газоне лежит девушка, бледная, аж синяя... не дышит. Один человек пытается неумело привести ее в чувство, остальные сгрудились вокруг без толку, охают, ахают. «Скорую» вызвали, а она все не едет и не едет. Двое парней взялись неумело делать искусственное дыхание: бились, бились... устали. Все, говорят, бесполезно! И тут меня словно кто в спину толкнул. Как же так, думаю? Женщина молодая, лет двадцати пяти от роду... умирать ей еще рано, да и обидно как-то. Бросился на помощь, руки сами работают: навык доведен до автоматизма. Вокруг шепоток – зря старается, мол, –

а я не обращаю внимания, продолжаю свое дело. В какой-то миг лицо лежащей порозовело, тело дрогнуло, и она вздохнула самостоятельно... ожила, в общем. Скоро и врачи подоспели.

– То есть вы спасли жизнь Марине? Или Веронике?

– Марине. Только потом я заметил, что рядом на корточках сидит то ли подруга, то ли сестра, рыдает в голос. Ты кто? – спрашиваю. Оказалось, они близкие подруги. Так и познакомились. Когда я узнал, что девчонки приезжие, дал на всякий случай свой адрес, телефон. Синдром спасателя! Если возвращаешь кого-то к жизни, это роднит: хочется оказывать покровительство и дальше, опекать, заботиться. Обратиться им в Москве было больше не к кому, на следующий день они нашли меня, долго извинялись, умоляли устроить на любую работу.

– Вы помогли?

– В первую очередь расспросил о здоровье: почему Марина потеряла сознание, упала, перестала дышать? Оказалось, от волнения и духоты стало плохо. Врачи «Скорой помощи» развели руками, – сердце больное, – слава богу, обошлось. Можно сказать, чудо свершилось! Подыскал я девушкам временное жилье, денег одолжил, устроил на рынок, реализаторами. У меня там приятель кожаными изделиями торгует, – поспособствовал. На первых порах дамы были довольны, не знали, как благодарить. Завязались отношения.

– Какого рода? – уточнил Смирнов.

– Чисто дружеские! – Стас прижал руки к груди. – Клянусь, ничего больше. Вероника мне симпатизирует, но... понимаете... эти девушки не моего круга – другое воспитание, образования никакого... внешность оставляет желать лучшего. Словом, серенькие мышки, неотесанные провинциалки. Изредка я приглашаю их в кафе, угощаю ужином, вот и все.

– Так в чем проблема?

– Черт меня дернул повести их на ту проклятую тусовку в «Молох»! – с отчаянием в голосе воскликнул молодой человек. – Каюсь, покрасоваться захотелось, блеснуть, поразить воображение! Разве Марина с Вероникой такое в своем городке могли увидеть? Я и сам не подозревал, чем это приключение обернется. Туда людей с улицы не пускают, только своих или по рекомендации: нас *друид* провел. Дурак я! Болван!

То, что дальше рассказал Киселев, заинтересовало сыщика.

– Я, пожалуй, возьмусь за ваше дело, – сказал он, выслушав подробности. – Есть в нем некая *изюминка*. «Молох», говорите?

– Ненасытная сила, алчущая человеческих жертв, – пробормотал Стас. – В древности людей сжигали живьем, чтобы умиловить Молоха. Мне *друид* объяснил. Дескать, мы явились в *предсказанный час*!

– Вернемся к прозе жизни, – улыбнулся Смирнов. – Мои услуги стоят недешево.

– Я заплачу! У меня есть сбережения. Возьму у отца, если не хватит.

Всеслав посмотрел на молодого человека долгим взглядом, подумал.

– Дайте мне адреса девушек, этого вашего... *друида* и, конечно, общества «Молох», – решил он.

Глава 2

Старица

Валерий Хромов жил на самой окраине городка в просторном доме, обнесенном высоким дощатым забором. Вокруг дома раскинулся дикий сад, заросший кустами малины и шиповника. И дом, и забор, и сад обветшали, пришли в запустение, но сейчас, из-за снега, этого не было заметно.

Валерий переехал к матери после ссоры с женой, да так и остался. Бывшей школьной учительнице Хромовой было не прожить одной на пенсию; содержать дом она по состоянию здоровья уже не могла: постоянно мерзла, едва ковыляла с палочкой по натопленным комнатам, кое-как стряпала и поддерживала порядок. Валерий с ужасом думал, как он будет управляться, если мать слегнет.

Сам Хромов работал в мебельной мастерской столяром, делал на заказ двери, столы, шкафы и комоды, – трудился с утра до вечера, а когда клиенты торопили, то в выходные и праздники. Мать ворчала, а ему нравилось – пили, строгай, шлифуй: некогда горевать, думать о разрыве с Яной, о неудавшейся семейной жизни.

С будущей супругой Валерий познакомился на свадьбе у приятеля – жалко стало девчонку, одиноко сидевшую в уголке, которую никто не приглашал танцевать. Подошел, сел рядом – разговорились. Яна жила в Москве, работала киоскершей в метро, продавала то книги, то газеты и журналы, то учебники – что хозяин велит. Она приходилась дальней родней невесте и почти никого из присутствующих не знала. Вырастила и воспитала ее такая же мать-одиночка, как и Зинаида Васильевна Хромова. Отчасти Яну и Валерия объединила похожесть судеб, отчасти – отсутствие интереса к ним окружающих. Оба среднего роста, неказистые, скромно одетые, они не привлекали ничьего внимания, скучали на вечеринках и посиделках – *не пользовались спросом*, как ни обидно было это признавать.

После свадьбы Яна уезжала в Москву, и Валерий вызвался ее проводить, а заодно прогуляться по столице, развеяться. По дороге они еще больше сблизились, прониклись друг к другу сочувствием.

– Ты кем работаешь? – спросила Яна.

– Столяром.

– Платят хорошо?

– Какое там?! – махнул рукой Хромов. – Пашешь с утра до вечера, а зарплаты едва хватает концы с концами свести. Хотел дом отремонтировать, крышу поменять, отопление новое сделать – не получается. Матери лекарства нужны, хорошее питание. Одна она у меня на всем белом свете.

Мотив неприкаянности, одиночества звучал и из уст новой знакомой.

– Тебе повезло, что мама еще жива, – вздыхала она. – Моя умерла.

В Москве Яна пригласила Хромова в тесную квартирку на пятом этаже панельного дома в Кунцеве, где из каждого угла смотрела пустыми глазами бедность.

– Может, тебе здесь работу поискать? – предложила девушка. – Столяры наверняка нужны, да и платить будут побольше, чем в Старице.

Она принесла несколько газет с бесчисленными объявлениями о трудоустройстве, и Валерий углубился в чтение.

– Возьми с собой, – посоветовала Яна. – Просмотри не спеша, отметь то, что подходит. Захочешь приехать – милости прошу! Телефон у меня есть, обзвоним все фирмы... вдруг что-то стоящее попадется.

Она как в воду глядела. Через две недели Хромов снова приехал в Москву, устроился в столярный цех частной фирмы «Эбен», начал получать приличные деньги, снял жилье. В свободное время встречался с Яной, помогал ей делать в квартире скромный ремонт.

– Сколько ты за комнату платишь? – как-то спросила она. – Дорого небось? Переходи ко мне. Зачем зря деньги тратить? Лучше матери отсылай, а мне мужская рука в доме не мешает.

Полгода они жили в квартире Яны как хорошие товарищи, потом... молодость, здоровые желания, а главное, полное, как тогда казалось, взаимопонимание взяли свое. Яна и Валерий поженились. Он сам сделал все столярные работы в квартире, купили новый холодильник, телевизор, двуспальный диван. Зажили душа в душу.

То время Хромов вспоминал с непроходящей тоской. Ведь было же им хорошо вдвоем! Яна прибегала с работы счастливая, довольная, с полной сумкой продуктов... готовила ужин, ждала супруга. Кушали в гостиной, у телевизора, обменивались мнениями по поводу фильмов и передач, ложились вместе в постель, ласкались, засыпали безмятежно до следующего, такого же приятного утра. Раз в месяц, когда Валерий получал зарплату, отправлялись на оптовый рынок. Яна радовалась обновкам – модному пальто, сапожкам и туфелькам на шпильке, кофточкам, брючкам, которых она до сих пор не могла себе позволить.

Семейная идиллия продолжалась почти год, после чего Яну словно подменили. Или Хромов раньше просто не замечал этих ее качеств – желчи, сарказма, вечного недовольства всем и всеми? Начиная от политиков и заканчивая соседями, продавцами в магазинах, актерами кино, дикторами телевидения, хозяином киоска, где Яна работала, прохожими на улицах и, конечно же, мужем.

– Мы с тобой богом обижены! – стала повторять она. – Даже родные отцы предпочли бросить нас, ушли от наших матерей к другим женщинам, чтобы любить и воспитывать других детей. Не нас! Почему так вышло? За что мы расплачиваемся?

– Так живут многие, – пытался образумить ее Валерий. – Взгляни вокруг.

Но Яну не интересовали окружающие, она обратила взор на себя и вспылала благородным негодованием.

– Почему у меня такая блеклая внешность? Такая плоская фигура? Такое невыразительное лицо? Ты только посмотри! Глазки маленькие, нос слишком широкий, бровки белесые, волосы редкие...

– А мне нравится, – успокаивал жену Хромов. – Не расстраивайся! Я ведь тоже не красавец.

– Вот именно! – пуще прежнего расходилась Яна. – Ты перестал меня возбуждать. Почему я не вышла замуж за настоящего парня, с которым не стыдно появиться на людях?

– Тебе стыдно за меня? – опешил Валерий.

Она смутилась на миг, но быстро вернулась к своему раздражению.

– Правду сказать, гордиться нечем! Мы с мамой жили от зарплаты к зарплате, экономии буквально на всем. Я не смогла получить никакого образования; у меня нет ни одной «корочки», кроме школьного аттестата. Сразу после выпуска пришлось устраиваться на работу, чтобы покупать себе еду и одежду. Ты не поверишь – я носила одну и ту же обувь по пять-шесть лет, зашивала колготы капроновыми нитками... а о красивом платье или пальто только мечтала!

Она заплакала – горько, навзрыд. Валерию хотелось ее утешить, однако он подавил свой порыв. Ему тоже жилось не сладко, но откуда у Яны накопилось столько злой обиды?

– Почему одни имеют все, купаются в роскоши, а другие вынуждены довольствоваться крохами? – вопила она, размазывая слезы по щекам. – Чем они заслужили такие привилегии?

Хромов над подобными вещами не задумывался и не знал, что ответить жене. Сейчас его жизнь стала полнее, благодаря женитьбе, переезду в Москву, работе в «Эбене». Яне уже не

нужно считать каждую копейку. Он не понимал, что ее мучает, чем вызваны ее истерики; вздыхал, молча выслушивал возмущенные монологи, становившиеся все длиннее и напряженнее.

– Что ты сидишь, как будто воды в рот набрал? – сердилась она. – Нужно выбираться из нищеты и безвестности!

– Как? Подскажи...

Это заставляло Яну погружаться в какой-то нервный транс – она часами, замерев и вперив взгляд в потолок, лежала, придумывала средства для достижения своих честолюбивых, амбициозных целей. Ее уже не устраивала зарплата Валерия, она мечтала о настоящем богатстве, когда можно покупать все, что угодно, и не задумываться о завтрашнем дне.

– Есть же какая-то загадка, какая-то хитрость... недоступная простым смертным, вроде нас с тобой, – устало говорила она, возвращаясь из мысленных странствий. – Я ее найду во что бы то ни стало.

Раньше Хромовы не ссорились, а теперь их разговоры превратились в перепалки, переходящие в громкие скандалы.

– Ты ничтожество! – с ненавистью глядя на мужа, цедила Яна сквозь зубы. – Олух бестолковый! Только и можешь, что рубанком да пилой орудовать. Домашнее хозяйство все на мне! Лампочки и то я вкручиваю, розетки неисправные чиню. А у тебя мозги окостенели от безделья, совсем не хотят шевелиться. Небось все извилины давно выпрямились!

Валерий терпел, терпел, а потом осторожно предложил жене сходить на прием к невропатологу, чем вызвал у нее приступ истерического хохота.

– Решил, что я ненормальная, да? Ха-ха-ха-ха! – заливалась она, сгибаясь пополам и вытирая выступившие слезы. – Ах ты, простофиля! Идиот слабоумный!

К врачу она не пошла, зато с тех пор стала называть Хромова дураком. Так и обращалась: «Иди обедать, дурак!» – или: «Вставай, дурак, пора на работу собираться!»

Валерий подобного поворота не ожидал и, растерявшись, пришел в замешательство. Как же быть? Жизнь с Яной стала невыносимой, но и возвращаться в Старицу, расстраивать больную мать не хотелось. Набрался духу, ушел в общежитие, где жил до того, как Яна предложила переехать к ней. Надеялся, жена одумается, и все пойдет по-прежнему, тихо и мирно, спокойно. Жаль, не оправдались ожидания.

Однажды вечером Хромов накупил подарков, еды и вина, пошел мириться с Яной. Она встретила мужа молча, какая-то присмирившая, отрешенная.

– Нашла лекарство от злости? – неловко пошутил он.

– Не твое дело.

На том и кончился разговор. Хромов остался на ночь, Яна не возражала, но и на ласки не откликнулась – отвернулась к стене, сделала вид, что спит.

Наутро они поссорились.

– Тебе нужны деньги? – спросил Валерий. – Вот, возьми.

Он положил на стол несколько купюр.

– Это ты называешь деньгами? – ни с того ни с сего взвилась жена. – Убирайся! Пока не поумнееешь, не смей показываться мне на глаза.

Деньги Хромов все же оставил, а сам ушел. Сосед по комнате в общежитии, которому он вскользь намекнул на проблемы в семье, рассудил по-своему.

– Дети у вас есть? – спросил он.

– Нет.

– В этом все и дело! Бабы должны детей нянчить, иначе взбесятся! Твоя о ребеночке мечтает, а ты ей деньги суешь.

Мысль о ребенке засела в уме Хромова. Через неделю он опять приехал к Яне, мириться. Она встретила его хмуро, но ужин приготовила, накрыла на стол.

– Хочешь ребенка? – спросил он после второй рюмки водки.

Жена уставилась на него как на полоумного.

– Совсем сдурел? – усмехнулась она уголком рта.

Однако ночью Яна охотно согласилась на близость. На следующий день Хромов забрал из общежития вещи и вернулся в семью. Они прожили еще год, полный вялых перебранок и последующего молчания. «Что я в ней нашел?» – думал Валерий. «Зачем я выходила за него замуж?» – удивлялась Яна. Она так и не забеременела, хотя занимались сексом Хромовы, не предохраняясь.

Яна усердно читала книги – благо она ими торговала, – все подряд, без разбору. Искала ответы на наболевшие вопросы. Валерий по настоянию супруги перелопатил домашнюю библиотеку. На выдавшей виды этажерке стояли советские издания: сочинения Маркса, Ленина, Горького, потрепанные книжки Чуковского и Гайдара, «Овод» Войнич и «Как закалялась сталь» Николая Островского.

– Чему ты удивляешься? – возмутилась Яна. – У нас с мамой едва хватало на питание. Тут уж, извини, не до культурного развития. Эти книги покупали еще бабушка с дедушкой.

Она начала носить книги из киоска домой, а когда Валерий делал вид, что прочитал очередной роман, уносила обратно. Хромов уставал на работе, но честно пытался «развивать интеллект». Он засыпал уже на второй странице, стараясь, чтобы Яна этого не заметила.

За второй год супружества они окончательно отдалились друг от друга. Валерий делал попытку за попыткой наладить отношения с Яной, но неизменно натывался на непробиваемую стену.

– Ты не понимаешь, – говорила жена, и он соглашался.

Как и когда выросла между ними эта стена, Хромов не знал. Ссоры стали редкими, потому что у чужих людей меньше поводов браниться. Последний скандал возник, когда они отмечали день рождения Яны – ей исполнилось двадцать два года, а Валерию казалось, что он женат на глубокой старухе, побитой жизнью и сварливой, у которой не осталось никаких радостей.

– Посмотри на себя, – не выдержал Хромов. – Ты ведешь себя как... базарная баба! Чем я тебе не угодил? Подарок не нравится?

Яна покраснела, потом побледнела, схватила подаренный мужем зонтик и начала размахивать им у самого его носа.

– Это, по-твоему, подарок? – Она задыхалась от негодования. – Вот это-о?

У нее не хватало слов, чтобы выразить, как жалка, непрезентабельна преподнесенная Валерием вещь. Тяжелее всего было Яне осознавать, что при ее внешности шансы найти себе более достойного мужчину равняются нулю. Она со стоном отчаяния помахала в воздухе злополучным зонтом, выдохлась и упала на диван без сил.

– Тебе надо лечиться, – только и сказал Хромов. – Причем серьезно.

Он торопливо собрал чемодан и, не прощаясь, ушел. Возвращаться в общежитие было стыдно: поехал на вокзал, взял билет до Твери, оттуда доберется до Старицы на автобусе. Решил, что поживет пока у матери.

С тех пор минуло пять лет. Яна не написала ни одного письма, ни разу не позвонила. Официально они так и не развелись. Валерий о разводе не думал – два года семейной жизни напрочь отбили у него охоту вступать в новый брак. За это время у него появилась женщина для интимных встреч – проще говоря, любовница. Лида жила в доме напротив, а работала в отделении связи почтальоном. По вечерам она приглашала Хромова к себе, угощала чаем и ватрушками с домашним творогом, отдавала принесенную с почты корреспонденцию. Впрочем, *корреспонденцию* – громко сказано: это были редкие открытки, которые приходили Зинаиде Васильевне от бывших учеников; раз в неделю – газета с программой и разные рекламные листки.

Поэтому Валерий удивился, когда утром увидел в окно Лиду, махающую ему рукой – выйди, мол.

– Тебе письмо, – сказала женщина, едва он подошел к калитке. – Я подумала, может, что важное.

За ночь навалило снегу, калитка не открывалась, и Хромов взял письмо, протянув руку через забор. Обратный адрес на конверте был незнакомым.

Москва

– У тебя новый клиент? – спросила Ева, помогая Славке отряхивать с куртки снег.

– Пожалуй, что да, – улыбнулся сыщик. – Стас Киселев, молодой, перспективный управляющий филиалом банка. Ты будешь в восторге от его рассказа.

– Правда? – оживилась она. – Надеюсь, дело не в финансовых махинациях?

– О нет!

– Что-нибудь таинственное?

– Более чем. Ужин еще не остыл? Я нарочно ничего не заказывал в баре, помнил обещанный пирог.

Ева поспешила накрыть на стол. Она предвкушала удовольствие от истории, которую сейчас услышит.

Смирнов утолил первый голод и приступил к рассказу.

– Итак, – начал он, – некий Киселев из-за своего увлечения эзотерическими практиками попал в неприятности, если можно так выразиться.

– А именно?

– У Киселева есть две знакомые девушки...

И сыщик рассказал, как Стас применил свои навыки по оказанию первой помощи, приобрел в лице Марины и Вероники восхищенных поклонниц, над которыми взял шефство, и к чему это привело.

– Он хотел поразить девушек и пригласил их в «Молох»? – переспросила Ева. – Это что, клуб такой, дискотека... или бар? Странное название.

– Название – полбеда, – вздохнул Всеслав. – Там они попали чуть ли не на «черную мессу»! Вообрази себе безлюдную улицу, первый этаж обычного панельного дома, где ничего не предвещает колдовского шабаша, ночь, массивную бронированную дверь... Туда не пускают посторонних, и лишь по просьбе *друида* – парня, несколько раз побывавшего в «Молохе», – два охранника во всем черном сопровождают нашего героя и его спутниц в просторную комнату без мебели. Ее стены задрапированы красным шелком, в полумраке горят красные и черные свечи, приглушенно звучит монотонный бой каких-то ударных, дым курений забивает дыхание, глаза слезятся. В глубине помещения огромный рогатый металлический истукан протягивает вперед «руки», как бы требуя жертв; у его ног теснятся стеклянные кувшины с ужасным содержимым – засунутыми вниз головой младенцами.

Ева ахнула.

– Настоящими?

– Стас говорит, то были резиновые куклы. Но эффект производят жуткий. Завсегдатаи знают, что младенцы резиновые, а вот новички пугаются. Когда вновь прибывшие отрывают взгляд от кувшинов, они видят группу «последователей культа», облаченных в бесформенные темные балахоны. Они окружают человека с выкрашенным золотистой краской лицом, который звонит в свисающий с потолка колокол и выкрикивает какие-то заклинания.

– Ничего себе! – зрачки Евы расширились, щеки горели. – А вход платный?

– Даже не думай, – отрезал сыщик. – Не хватало еще тебя потом разыскивать!

– Разве кто-то уже пропал?

– Давай по порядку. Зрелище, которое должно было заморозить наивных провинциалок, отчего-то повлияло на них неожиданным образом – девушки нервно захихикали, чем взбесили Главного.

– Кого-кого?

– Стас объяснил, что мужика с накрашенным лицом в «Молохе» величают Главным. Там вообще не принято пользоваться обычными именами. Главный играет роль то ли жреца, то ли вызывающего духов, а остальные – *внимающие*.

– И те, в балахонах?

– Все. Иерархия существует, но она завуалирована. Кстати, вход действительно платный, и «добровольный взнос» составляет двадцать долларов с каждого.

– Терпимо.

– Более-менее, – согласился Смирнов. – Так вот! Хихиканье новеньких не понравилось Главному, он решил припугнуть непочтительную публику и проделал следующий фокус: незаметно достал откуда-то ветку с мелкими белыми розами, дунул на нее, забормотал что-то неразборчивое и предложил девушкам убедиться, что розы настоящие. То есть... понюхать!

– Довольно эффектно! – воскликнула Ева. – Они понюхали?

– Разумеется. С тем же недоверчивым смешком. Чем, видимо, окончательно прогневили Главного! Он смерил их испепеляющим взглядом и заявил о *предсказанном часе*, – дескать, одна из девушек, явившихся сегодня последними, должна *утолить жажду* Молоха. Аромат белых роз, который она вдохнула, несет несмываемое проклятие. Все повернулись в сторону Стаса и его спутниц. «Кто из них?» – провыли одетые в балахоны *внимающие*. Главный помедлил и... указал на Марину.

– Я бы умерла со страху.

– Девушки опешили, испугались и бросились прочь... Стас за ними. Их никто не задерживал, дверь оказалась открытой, и троица благополучно выбралась на улицу. Только тогда они сообразили, что верхняя одежда осталась в гардеробной. Темно, морозно, снежок порошит... но никто, в том числе и Киселев, не пожелал вернуться, чтобы забрать пальто и куртки. Молодой человек выскочил на дорогу, поймал такси... и все.

– Как это – «все»? – возмутилась Ева.

– Стас отвез девушек, потом добрался до своей квартиры, напился водки и уснул мертвецким сном. Утром вчерашний испуг показался диковинным приключением. Чувствуя свою вину, Киселев возместил Марине и Веронике материальный ущерб от потери верхней одежды. Дамы купили себе обновки и со смехом обсуждали забавное происшествие.

– Смеялись они недолго, надо полагать, – мрачно произнесла Ева. – Я угадала?

– Ты всегда на высоте, дорогая. Пожалуйста, отрежь мне еще пирога, вкусно невероятно. И чайку налей, если можно.

Ева беспрекословно выполнила просьбу, ожидая продолжения. Смирнов же занялся едой, отдавая должное и пирогу с сочной мясной начинкой, и грибам в сметане. Зловещие и загадочные криминальные подробности вызвали у него зверский аппетит.

– Водки хочешь? – предложил он, наливая себе холодной «Перцовки». – С мороза хорошо.

Ева скривилась, сделав отрицательный жест:

– Я же не выходила на улицу. Так что дальше было с теми девушками?

– Пока только с одной... с Мариной, – не переставая жевать, ответил сыщик. – Она ушла из дома и не вернулась. Уже десять дней прошло.

– Сколько? – ахнула Ева. – В розыск подали?

– Кому подавать-то? Девчонки детдомовские, в Москве у них никого, кроме этого Стаса. Вероника ни на что не решается, у нее нервный срыв: даже с работы уволилась, боится собственной тени. А Киселев и подавно не заинтересован в огласке. Сейчас заяви в полицию, при-

дется рассказывать про тот злополучный поход в «Молох», странные наклонности... и прочее. На работе узнают – уволят. Прощай, доходное место, зарплата, карьера! Кому такое понравится? Сначала они с Вероникой ждали, что Марина вернется или хотя бы сообщит о себе: мало ли, как обстоятельства иногда складываются. Встретила мужчину своей мечты, загуляла, ногу подвернула, в обморок упала, как тогда, во время знакомства со Стасом... Увы, никаких вестей от пропавшей не было. Мобильный, как на грех, она забыла дома. Потом Киселев пытался ее искать – звонил в больницы, морги, как водится, – ничего. Стас отправился к *друиду* – в миру Платону Елкину – с вопросом, может ли исчезновение Марины быть связано с проклятием Молоха. Тот напугал молодого человека до полусмерти – дескать, вам не Марину разыскивать надо, а о себе позаботиться. Не ровен час, последуете за означенной жертвой, прямо в пасть кровожадного божества. Бред, конечно, но Киселеву уже стало не до смеха.

– И он рискнул обратиться к частному детективу?

– А какой у него еще есть выход? – усмехнулся Всеслав.

– Ты считаешь, *друид* не прав?

– Ева, не думаешь ли ты, что возымело действие *проклятие Молоха*? Оставь свои фантазии! – взмолился сыщик. – Таких экзотических тусовок в Москве пруд пруди. Если бы с ними были связаны исчезновения людей, это стало бы достоянием общественности. Журналисты бы уши всем прожужжали! Скорее всего, имеет место обычное совпадение. *После* того еще не значит *вследствие* того, ты же прекрасно знаешь!

Но мысли Евы потекли в определенном направлении, и Смирнов был не в силах изменить его.

– *Друид* напраслину на «Молох» возводить не станет, – заявила она.

– Платон Елкин – нечто вроде зазывалы, который заманивает в «Молох» клиентов: в его интересах придумывать небылицы, создавать вокруг общества ореол священного ужаса! Что он успешно делает. Даже ты попалась, – убеждал Всеслав. – Вот увидишь, исчезновение Марины подстроено.

– Специально, чтобы напугать какого-то Киселева и приезжих девчонок? – возразила Ева. – Скажи еще, что ей дали денег и попросили уехать куда подальше.

– Кстати, здравая мысль! Ты умница, дорогая. В последнее время нам «везет» на пропавших женщин, – задумчиво произнес сыщик. – Что бы это значило?

– Женщин беречь надо, вот что.

– Смотря какую сумму предложили Марине в обмен на ее отъезд из Москвы, – подхватил он в шутку высказанную Евой идею. – Вряд ли удастся найти даму, которая не согласилась бы исчезнуть на подобных условиях.

– Почему же ты решил работать на Киселева, если все так просто? – Ева выдала несокрушимый аргумент и победоносно уставилась на Смирнова.

Тот перестал жевать.

– На сей раз ты попала в точку! – улыбнулся он. – Есть в этой истории подозрительный «душок». Я его чувствую, а объяснить не могу. Будем размышлять.

Глава 3

Стас места себе не находил. Правда состояла в том, что он испугался. Предостережения отца по поводу увлечения религиозно-мистическими воззрениями полностью оправдались, он таки влип в неприятности.

«Зачем я потащил девчонок в «Молох»? – задавал он себе один и тот же вопрос. – Крутым хотел показаться? Этаким столичным *масоном*, таинственной личностью? Да бедные провинциалки и слов-то таких не знают! Их интерес дальше моего кошелька и кое-каких связей не простирается! Главное, чтобы жилье было, постоянная работа и примитивные развлечения: пива попить, в новом наряде покрасоваться, парня соблазнить, если повезет, замуж выскочить. Так нет, выпендриваться решил, пыль в глаза пустить! Вот и доигрался! Как теперь выпутываться?»

Картины грядущих ужасов сменяли одна другую в воспаленном уме молодого человека. Вот его вызывают на допрос в полицию, подозревают бог знает в чем; с позором выгоняют с работы; объявляют опасным маньяком или сумасшедшим. Кошмары начали преследовать Стаса уже и во сне. Засыпая, он снова оказывался в страшной красной комнате... только на стенах была не ткань, а самая настоящая кровь... она стекала вниз и блестящими лужами стояла на полу, в ее густом глянце отражались фигуры в балахонах и покрытое золотой краской лицо Главного. Он разбрасывал белые лепестки роз и приговаривал: «Утоли мою жажду... утоли... утоли...» И вот уже лепестки падают не в кровь, а на снег... перед унылой процессией, бредущей за гробом, в котором лежит...

– Нет, нет! Это не я! Не я! – кричал Стас и просыпался в холодном поту.

С большим трудом ему удавалось уснуть вновь, но страшный сон продолжался. Теперь перед ним возникало лицо Марины, белое и бескровное, как тогда, летом.

– Зачем ты меня спасал? – спрашивала она, протягивая к Стасу белые, тонкие руки. – Чтобы убить? Смерть не любит, когда ей мешают... Тебе пришлось исправлять ошибку? Да? Скажи мне... скажи.

Ее пальцы с бледной синевой под ногтями тянулись к его горлу, обхватывали ледяной петлей и сдавливали... сильно, еще сильнее...

Он хрипел, просыпался от удушья, вскакивал с постели, кашлял, с шумом втягивая воздух, неумело бормотал слова молитвы, кое-как успокаивался, выравнивал дыхание, шел на кухню пить воду.

– Ф-фу-ты, черт... ну и скрутило. Может, у меня астма?

В детстве он страдал от приступов астматического кашля, но перерос, выздоровел полностью, и плавание сыграло в этом не последнюю роль. Потому отец и таскал его за собой в летние лагерь, заставлял закаляться, бегать по утрам босиком по холодной росе, купаться в любую погоду. Если бы не плавание, не работа спасателем на воде, не навыки неотложной помощи, не познакомился бы он в тот роковой день с приезжими девчонками, не подружился бы, не строил бы из себя московского ловеласа, романтического героя, любителя острых ощущений, не поперся бы с ними в «Молох»...

– Все! Хватит! – вслух обрывал он запоздалые сожаления. – Что было, то прошло! Я мог захотеть покрасоваться перед другой девушкой, и вышло бы то же самое. Почему я мучаюсь, в конце концов? *Друид* посоветовал побывать в «Молохе», привел нас туда, и ничего... не страдает, не вешает на себя вину. Ну, пропала Маринка! Так неизвестно же, по какой причине? При чем тут вообще *окультурные ритуалы*? Может, она решила плюнуть на всю эту московскую суету и вернуться в городок Шахты?

Но что-то в глубине души подсказывало Стасу: проклятие, да еще *несмываемое*, как заявил во всеуслышание Главный, было *при чем*. Оно коснулось смертоносным крылом всех

троих новеньких, которых угораздило явиться в некий *предсказанный час*... и судьба Марины может постигнуть остальных. Суеверный ужас поднимался при этой мысли внутри Киселева, охватывал крепкими петлями грудь, останавливал дыхание. Наверное, так первобытные люди боялись непознанных и грозных явлений природы – грома, молнии, ураганного ветра, засухи, наводнения, колебаний тверди земной. И придумывали идолов, чтобы молить их о пощаде, задабривать щедрыми подношениями.

Если бы не этот глубинный, какой-то животный страх, Стас не обратился бы к сыщику. Его волновала не столько Марина, сколько он сам, его безопасность. Хотя... разве в состоянии обыкновенный человек соперничать с тайными силами? А что такие силы есть, у Киселева почти не осталось сомнений.

Вероника тоже была в шоке от происшедшего.

– Маринка меня не могла просто так бросить, – причитала девушка, заливаясь слезами. – Она мне все рассказывала, с детства. Мы же росли вместе, как сестры, я на год старше! Она бы ни за что никогда ни с кем от меня не сбежала. Искать ее надо, Стасик, миленький! Беда случилась, сердце чует.

– Цыц! Не каркай, дуреха! – срывался на грубость Киселев. – Накликаешь несчастье!

– Она же ничегошеньки не взяла, кроме сумочки и паспорта, – испуганно бормотала Вероника. – Деньги, вещи – все на месте.

– А паспорт, значит, взяла? Зачем, спрашивается?

– Ну... мы привыкли документы при себе носить. Москва же! Могут остановить, проверить регистрацию.

– Она сказала, куда идет?

– Насчет работы узнавать. Нам позвонили... из тепличного хозяйства. Им работницы в теплицы нужны. Надоело на рынке стоять, да и зарплата там повыше. Правда, ездить далеко, за город, аж в Зеленую Рощу.

– Что за тепличное хозяйство? Почему мне не сказали?

– Так... мы объявления в газете нашли: из страховой компании и тепличного хозяйства. Позвонили. Нас пригласили на собеседование. В страховые агенты мы не подошли, а в теплицы обещали взять. «Оставьте свой телефон и ждите», – сказали. Мы и ждали. Да это давно было, еще до «Молоха»! Мы уж забыли, вдруг – звонок: приходите, мол, поговорим об условиях. Маринка поехала, – она в тот день выходная была, – а я на работу пошла. Все... больше я ее не видела. Вечером, поздно уже было... начала по тому телефону звонить, но никто не отвечал.

– Конечно, – сердился Стас. – Ты бы еще среди ночи позвонила! Люди давно домой ушли.

– Я и с утра звонила, – оправдывалась Вероника. – Про Маринку спрашивала. Только она там не появлялась. Не дошла, значит! По дороге что-то случилось...

Киселев не раз перебирал в памяти разговор с Вероникой, но зацепиться было не за что. Он все пересказал сыщику, а тот захотел сам побеседовать с девушкой. Не доверяет? Или привык задавать вопросы непосредственно свидетелю? Свидетелем чего была Вероника Грушина? Их знакомства, их отношений, во-первых; во-вторых, посещения «Молоха»... ну и, в-третьих, именно она видела Марину последней.

«Сыщик прав, что подвергает сомнению мои слова, – думал молодой человек. – Но и от Вероники он большего не узнает».

Старица – Москва

Хромов повторно прочитал обратный адрес на письме из Москвы, удивленно хмыкнул.

– Кто такой Шелестов, мама? – спросил он у Зинаиды Васильевны.

Мать сидела у печки, грела больные ноги.

– Шелестов? Не припоминаю.

– Виктор Анатольевич, – добавил сын. – У тебя не было такого ученика? Странно, что письмо адресовано мне.

– Раскрой и прочитай, чего гадать-то?

Валерий с некоторой опаской последовал ее совету. Он не любил сюрпризов. Мало ли что таится в аккуратно заклеенном белом конверте с изображением памятника Пушкину на лицевой стороне? Хорошее ли известие?

Он отрезал край ножницами, вытащил сложенный вдвое листок с напечатанным текстом. Адвокат Шелестов скупыми официальными фразами сообщал, что является доверенным лицом гражданки Хромовой Яны Арнольдовны, ныне покойной, и настоятельно просит Валерия Хромова как можно скорее приехать в Москву и посетить адвокатскую контору, расположенную на улице Горбунова, для беседы. Речь пойдет о наследстве, оставшемся после смерти его супруги.

– Какое еще наследство? – пробормотал Хромов. – Ничего не понимаю.

Зинаида Васильевна водрузила на нос очки и попросила дать ей письмо. Она прочитала текст вслух, по привычке.

– Яночка умерла? Не может быть. Отчего? Такая молодая...

– Трудно поверить, – вздохнул Валерий. – Мы так и не развелись, а близких родственников у нее не было. Значит, квартира мне достанется. Но... как же похороны? Ее надо похоронить! Завтра поеду. Нет... сегодня. У нас есть деньги?

– Посмотри в шкатулке.

– Боже мой... я ничего, ничего не знал! Как она жила все эти годы? С кем? Возможно, болела. Ах, Яна, Яна! Ни разу не позвонила, не написала! Что с ней случилось?

Он еще не до конца осознал, что Яны больше нет.

– Так ведь и ты молчал, – печально произнесла Зинаида Васильевна. – Обидели вы друг друга и не хотели прощать. Грех это! Теперь ты вдовец.

– Вдовец, – растерянно повторил Хромов. – Вдо-вец...

Он достал из комода шкатулку с облупившимся по углам лаком и пересчитал деньги – их хватало на билет до Москвы, но не на достойные похороны. Как же быть? Валерий опустил на диван, тяжело вздохнул:

– Денег мало. И одолжить не у кого.

– А Лида не даст?

Лидой звали подружку сына, ту самую почтальоншу Семенцову, которая принесла скорбную весть.

– Лида на работе, – оживился Хромов. – Пойду, пожалуй, спрошу! Да... захвачу письмо. – Он сложил лист и засунул в карман, нервно прошелся по комнате, кусая губы. Какая-то мысль пришла ему в голову, и он снова вытащил письмо, пробежал глазами. – Тут есть телефон этого Шелестова. Может, позвонить?

Не ожидая ответа, Валерий набрал номер адвоката. Хромов был как во сне, словно за него ходил, говорил и действовал кто-то другой. Он не помнил ни подробностей разговора с Шелестовым, ни того, как потом оказался в местном отделении почты. Только одно дошло до его сознания – Яну уже похоронили, осталось уладить кое-какие формальности, касающиеся имущества.

Лидия принимала посылку у пожилого мужчины в очках, сосредоточенно занималась оформлением. Хромов наклонился к окошку.

– Что-то случилось? – испуганно подняла она голову. – Я сейчас освобожусь.

Через пару минут женщина дала старику сдачу, квитанцию и позвала Хромова.

– Иди сюда, Валера! На тебе лица нет. В том письме что было-то?

– Жена моя умерла... Яна, – прошептал он. – Ехать надо.

– На похороны?

Его лицо исказила гримаса то ли горя, то ли... недоумения.

– Не знаю. Денег дашь в долг?

– Конечно.

Хромов молча кивнул и ушел, забыв поблагодарить Лиду.

– Чудной мужик, – сказала молодая напарница почтальонши, глядя ему вслед. – Будто не в себе.

– У него жена умерла, – объяснила Семенцова. – Горе у человека!

Валерий шел по улице, не ощущая холода. Не то чтобы он все еще любил Яну – его потряс сам факт смерти женщины, такой же молодой, как и он сам, с которой они делили постель и прожили бок о бок не один месяц. «Значит, вот как бывает, – думал Хромов, шагая по обледеневшему тротуару, – есть человек... и нет человека. Будто и не было».

Он вернулся домой, попросил мать собрать вещи и отправился на вокзал. Чего тянуть-то? Раз надо, он приедет, поможет разобраться с имуществом Яны. Хотя какое там имущество? Мебелишка старая, ценностей никаких, кроме телевизора да холодильника. Интересно, квартира у Яны приватизированная? Если да, то можно будет ее продать.

Мысль переехать в Москву и жить в квартире покойной жены не пришла Валерию в голову. Он бы не смог. Он с содроганием представлял себе, как переступит порог пустой квартиры, где витает дух смерти... где каждая вещь пропиталась запахами хвои, свечного воска и сладковатым привкусом тлена. До сих пор Хромову не приходилось сталкиваться со смертью лицом к лицу – он избегал покойников, похорон и даже разговоров на эту печальную тему. Единственная бабушка его давно упокоилась с миром в своей деревне, в полчасе езды от Старицы, и все хлопоты по совершению обряда взяла на себя Зинаида Васильевна; о судьбе отца Валерию было ничего не известно, а другой родни у Хромовых не осталось. Возможно, поэтому он столь близко к сердцу принял кончину Яны. Словно смерть постучалась в двери к нему, Валерию, – грубо и неожиданно вторглась в его привычный мирок.

Находясь в полной прострации, Хромов побродил по вокзалу, разглядывая табло, нашел кассу, взял билет до Москвы, дождался поезда и вошел в вагон, сел... Внутри звенела пустота. Стук колес навевал глухую дрему, веки отяжелели... и открылись, когда поезд подъезжал к конечному пункту назначения.

– Спал я, что ли? – ни к кому не обращаясь, произнес Хромов.

Пора выходить, добираться до улицы Горбунова, где ждал Шелестов. На перроне в зеленом свете фонарей видно было, как летит с черного неба густой снег.

Виктор Анатольевич Шелестов отпустил секретаршу и курил, стоя у открытой форточки. Где же, черт возьми, этот Хромов? Заблудился, что ли? Мобильного телефона у него наверняка нет – не свяжешься, не выяснишь, в чем дело. Вот наказание!

Будь Шелестов преуспевающим адвокатом, гонорары которого заставляют коллег завистливо вздыхать, он бы плюнул на запаздывающего посетителя и ушел домой. К сожалению, Виктор Анатольевич не мог позволить себе такой роскоши. Дела его шли кое-как, клиентов было мало.

Наконец кто-то робко постучал в дверь.

– Слава богу, – пробормотал Шелестов, бросая окурочку в пластиковую корзину. – Надеюсь, это он.

Хромов произвел на адвоката удручающее впечатление – бесцветный, безликий, начисто лишенный какого-либо намека на индивидуальность, плохо одетый, с унылым, кислым лицом, он переминался с ноги на ногу и молчал.

Если бы перед этим Виктор Анатольевич не изучил внимательно документы, из которых следовало, что покойная Яна Арнольдовна и здравствующий Валерий Михайлович Хромовы

состояли в законном браке, то удивился бы. Однако впечатление об умершей оказалось весьма обманчиво, посему адвокат не стал делать поспешных выводов.

– Пойдемте, – сказал он и повел испуганного посетителя в свой кабинет, расположенный рядом с кабинетом нотариуса. – Я уполномочен посвятить вас в некоторые подробности. Вы не против?

У Хромова язык присох к небу, и он только согласно кивнул. В скромно обставленном кабинете адвокат по-хозяйски уселся за стол, а посетителю предложил занять стул с кожаным сиденьем. Тот, не поднимая глаз, покорно сел.

«Что это с ним? – неприязненно подумал Шелестов, доставая пакет с документами. – Он дееспособен хотя бы?»

– Ваша жена умерла... э-э... шестнадцатого января сего года...

– Простите, – перебил его Хромов. – Но я бы хотел знать, отчего... ну, какая была причина ее смерти? Болезнь или несчастный случай?

– Яну Арнольдовну убили.

– У-убили? – переспросил Хромов, и его губы задрожали. – Как убили? Вы... что-то путаете.

– Убили, – подтвердил адвокат. – Причем зверски. Тело было изуродовано... вот заключение о смерти. Кстати, мне придется сообщить в полицию о вашем появлении. Формальность, но я обязан ее соблюсти.

– В по... полицию? – еще больше побледнел Хромов.

– В случае насильственной смерти необходимо выяснить все обстоятельства. Ко мне приходили из уголовного розыска, но я ничем не смог им помочь... тогда. Они особо и не настаивали, так... соблюдали процедуру. Убийцы вашей жены, в принципе, известны – это банда «Алая маска». Слышали? В Москве от их рук погибли уже несколько женщин. Отличительная черта почерка преступников – изуродованные лица жертв, потому их так и называли. Они могут ворваться не только в квартиру, куда угодно: в маленький магазинчик, в аптеку, в парикмахерскую. Быстро расправиться с какой-нибудь женщиной и скрыться. Говорят, бандитов трое, вероятно, психически неуравновешенные люди, наркоманы. Вашей жене не повезло, она неосторожно открыла им дверь квартиры... а впрочем, от судьбы не уйдешь. Вы верите в судьбу?

Валерию казалось, что это происходит не с ним – как будто он смотрел детективный сериал по телевизору или видел страшный сон.

– Дело в том, что вас не могли сразу найти, – продолжал между тем адвокат. – У Яны Арнольдовны не оказалось ни вашего адреса, ни свидетельства о браке, ее паспорт тоже пропал. Где вы? Чем занимаетесь? Никто не знал. Соседи успели о вас забыть, да и вообще в многоквартирных домах жильцы бывают едва знакомы. А вот мою визитку обнаружили среди вещей убитой, поэтому пришлось давать пояснения.

Хромов отказывался что-либо понимать.

– Кстати, что вы делали в тот день, когда убили вашу супругу? – усмехнулся Виктор Анатольевич. – У вас есть алиби?

– Я... каждый день работаю, с утра до вечера: много заказов. У меня один выходной – скользящий.

– Вот об этом вы и расскажете следователю, если он спросит. Сомнительно, что вас вызовут для дачи показаний. Судя по словам Яны Арнольдовны, вы давно расстались, отношений не поддерживали, да и способ убийства, все детали ясно указывают на «Алую маску». Надеюсь, вы не являетесь членом этой... преступной группы?

– Что вы! – подскочил на стуле Хромов. – Я впервые слышу... от вас... про убийство и про... бандитов. Я живу в Старице.

– Знаю, знаю, – почти добродушно закивал адвокат. – Вы позволите? У нас нынче идет борьба с курением... Ничего, если я стану дымить в вашем присутствии?

Он достал сигарету и прикурил.

– Пожалуйста... – пробормотал посетитель.

Шелестов сделал несколько глубоких затяжек и, прищурившись, уставился на Валерия.

– Приехать из Старицы в Москву, совершить убийство и уехать обратно – пара пустяков. Вы не находите?

– Д-да... да, конечно. Но это не я! Я не бандит! Я... столяр. Делаю двери, окна... мебель разную. Я года два никуда не выезжал, – оправдывался Хромов. – У меня мать больная!

– Лежачая?

– Нет. Пока ходит, но оставлять ее надолго нельзя. У нее бывают приступы... по ночам.

Шелестов выпустил струю дыма, хмыкнул. Ему расхотелось дразнить приезжего, тот и так еле дышит от страха и растерянности. Куда ему сотворить то, что сделали с Яной убийцы? Его от одного вида тела стошнило бы, а то и в обморок бы хлопнулся. Хлипкого мужичонку выбрала себе в мужа покойная Хромова. Правду сказать, она и сама внешностью не вышла, зато в другом оказалась не промах. А по виду не подумаешь... Ладно, хватит байки травить, пора и к делу приступать.

– Я пошутил, – примирительно произнес адвокат. – Успокойтесь.

Бывший супруг его клиентки покрылся испариной, нервно заерзал.

– Ч-что от меня тре... требуется? – с трудом выдавил он. – Расписаться где-нибудь?

– Ваша жена принесла мне на хранение некоторые бумаги... незадолго до смерти. Признаться, меня это удивило. Сказала, на непредвиденный случай.

– Бумаги? – не поверил своим ушам Хромов. – На хранение?

– Именно! Это документы. Все оформлено честь по чести. Яна Арнольдовна передала их в закрытом конверте, ваш адресок положила. По нему я вас и отыскал!

– Меня?

– Вас, сударь! Потому как мы с... покойной заключили договор – устный, разумеется, – что при резком изменении жизненных обстоятельств я вскрыю конверт и найду человека, чей адрес окажется среди бумаг. Полагаю, смерть госпожи Хромовой можно квалифицировать как резкое изменение жизненных обстоятельств?

– Да, конечно, – мрачно подтвердил Валерий. – Выходит, вы были знакомы?

– Я адвокат, – ушел от прямого ответа Шелестов. – Она была моей клиенткой, которая обратилась за определенным родом услугой и заплатила за нее. Немалую сумму, между прочим. С тех пор мы больше не встречались. О насильственной смерти своей клиентки я узнал от оперативника уголовного розыска. Теперь я исполняю взятые на себя обязательства. Прошу вас, – он подвинул лежащий на столе конверт с бумагами в сторону Хромова. – Посмотрите.

У овдовевшего супруга дрожали руки. Он взял конверт, вытащил из него бумаги... какие-то бланки с печатями и подписями... другие документы.

– Что это? – Валерий поднял глаза на адвоката. – Я не понимаю.

– Ваша жена, как оказалось, была состоятельной женщиной... весьма обеспеченной. Гм... поскольку по закону вы являетесь ее мужем, а других родственников не имеется, через условленный промежуток времени все ее имущество перейдет к вам. Если не объявятся другие наследники и не заявят о своих правах.

Хромов почувствовал себя нехорошо. Яна была богата? Что за чушь! Вероятно, это все-таки сон.

– Вы шутите?

– Неужели мне больше делать нечего? – сердито сдвинул брови Шелестов. – Сидеть допоздна в офисе и разыгрывать столяра из Старицы по поводу состояния его зверски убитой

жены – занятие неблагодарное и даже... кощунственное. Я такого греха на душу брать не собираюсь. Да и удовольствия никакого!

– Не верю, – угрюмо буркнул Валерий.

– Почему? Вы ведь уже давно вместе не проживали и, по словам Яны Арнольдовны, никаких отношений не поддерживали: следовательно, вам неизвестно, как складывалась ее судьба. К тому же перед вами документы – читайте, разбирайтесь.

У Хромова кружилась голова, а в груди появилось ощущение нарастающего беспокойства.

Глава 4

Веронику Грушину сыщик застал в комнате бывшего заводского общежития, которую они с Мариной снимали на двоих. Убогая обстановка напоминала любую жилую комнату, много лет сдаваемую внаем, – ободранные стены, потолок в желтых разводах, с которого свисает жалкий светильник советских времен, поломанная мебель и неистребимый запах старых вещей, пыли, запущенности. В закутке устроена крошечная кухонька – электроплитка на тумбочке и раковина для мытья посуды.

– Вы найдете Маринку? – не сдерживая слез, спросила Грушина.

– Не знаю, – честно ответил Всеслав. – Буду стараться.

– Она мне как сестренка... единственный близкий человек!

– Я понимаю. Сделаю все возможное.

В таких комнатах Смирнову становилось не по себе, хотя он и знал, что тысячи людей вовсе не имеют крыши над головой, даже такой. В этой общаге все же тепло, есть водопровод, душевая комната на первом этаже. Жить можно.

Он пытался ответить на вопрос, что приводит человека к подобным бытовым условиям и нередко заставляет находиться в них до старости. Наследственность, образ мыслей, убеждения, склад характера? Есть люди, которые с самого «дна» поднимаются если не к головокружительным вершинам, то к устойчивому достатку, а другие начинают вроде нормально, затем постепенно опускаются – кто быстрее, кто медленнее – и теряют все.

– Как вы сами думаете, что произошло с Мариной? – сидя на расхлябанном стуле и стараясь не делать резких движений, поинтересовался сыщик.

– Ой, да что угодно! Под машину могла попасть, сознание потерять... или маньяк какой заманил в автомобиль, отвез в лес и... – Вероника заплакала, под ее глазами и на щеках образовались черные потеки от туши. – Мы с ней с детства несчастные: родители нас бросили, потом детский дом... вам не объяснить, что это за жизнь! У Маринки здоровье плохое: малокровие, хронический ревматизм, сердце пошаливает. Вдруг она упала где-нибудь и умерла? Такие, как мы, неприкаянные, никому не нужны.

– А труп где?

Молодая женщина вздрогнула, перестала всхлипывать.

– Тру-у-уп? Если маньяк убил сестренку... то в лесу закопал, в землю. Или расчленил тело и на мусорку выбросил.

– Сейчас зима, – заметил Смирнов. – До земли не доберешься. А неопознанных женских тел, к которым подходили бы приметы Марины, в последние десять дней в городе не обнаруживали.

– Значит, в снег закопали, – стояла на своем Грушина. – Или в морге валяется, просто нам не говорят. Хотят для опытов использовать!

Сыщик не стал спорить, видел, что это бесполезно.

– Расскажите о том вечере, когда вы со Стасом ходили в клуб «Молох».

– «Молох»... – задумчиво произнесла молодая женщина. – Странное название. У нас в Шахтах тоже был клуб молодежный – «Сполох»! Похоже звучит. Оба слова непонятные.

– И чем этот «Сполох» занимался?

– Создал отряд по изучению истории родного края, они в походы ходили, экспедиции разные. Мы с Маринкой хотели туда вступить, но нас не взяли. Взнос надо было платить, а денег не хватило! Сами видите, – она повела в воздухе руками, – какое у нас материальное положение. Едва концы с концами сводим. Мы бы и в «Молох» не попали, если бы не Стас, – он за нас заплатил.

– То есть вы вступили в этот клуб? – задал провокационный вопрос Смирнов.

– Не-е-ет, только зашли посмотреть, как и что. Ужасное место! Охрана, люди в балахонах, никто слова лишнего не проронит, музыка похоронная какая-то. Но самое отвратительное – младенцы в стеклянных кувшинах, вниз головой. Не сразу сообразишь, что это куклы. Жуть! А потом этот... колдун ихний, заклинания бормотал и в колокол звонил. Мы с сестренкой не выдержали, захихикали – только не от веселья, а от неловкости, реакция у нас такая. Колдун нам еще розы давал нюхать: он их будто из воздуха сделал. Но цветы оказались настоящие. Забавно... как в цирке. Мы опять захихикали, он страшно разозлился и... произнес проклятие. Мол, одна из нас должна *утолить жажду* Молоха... Все, кто были в балахонах, завывали, а колдун указал на Маринку. Честно вам признаюсь, у меня мороз по коже пошел. Мы испугались, бросились наутек... пальто даже не стали надевать, забыли. Стас за нами. Очухались только в такси.

– Это все?

– Все, – подавленно кивнула Вероника и неумело перекрестилась. – Вот вам крест!

– Вы не связываете исчезновение вашей подруги с посещением «Молоха»?

Из глаз молодой женщины хлынула новая волна слез.

– Как же не связываю? Проклял нас тот колдун! Понимаете? Мы прокляты... наверное, с самого рождения, а он только подтвердил это. Бедная Маринка-а-а...

Грушина рыдала, а сыщик размышлял.

– Вы ничего подозрительного не замечали перед тем, как Марина пропала? – спросил он, когда та немного успокоилась.

– Нет. Все было, как всегда... кроме того ужасного «Молоха». И зачем Стасу понадобилось приглашать нас туда? Знаете, теперь я боюсь собственной тени! Я с тех пор, как сестренка не вернулась, не могу спать. Стас мне снотворные таблетки купил, но они не помогают. Как закрою глаза – вижу ужасное, блестящее от краски лицо колдуна, его глаза с красным ободком... и чувствую запах роз: он наполняет легкие, душит. Какой тут сон?! Вы верите в силу проклятия?

Раньше Смирнов не верил, но обширная сыскная практика последних лет поколебала его принципы, изменила взгляды на многие вещи. Существует нечто непостижимое, которое вмешивается в привычную и понятную жизнь людей, влияет на них, зачастую определяет судьбу. Можно по-разному относиться к этому, но игнорировать – непростительная беспечность.

– Как вам сказать? – улыбнулся сыщик. Он был не готов к дискуссии на тему черной и белой магии.

– Значит, верите, но боитесь признаться, – вздохнула его собеседница. – И то, что произошло с Мариной, доказывает существование колдовства.

– Так уж сразу и колдовства! Давайте сначала переберем все реальные причины исчезновения вашей подруги, а потом уже... если понадобится, перейдем к *потусторонним силам*.

– Вы шутите, а я серьезно! – рассердилась Вероника.

– Я тоже серьезно, – убедительно произнес Всеслав. – Поверьте. Но у меня есть порядок действий, которого я привык придерживаться. Вы убеждены, что нам не стоит заниматься иными версиями, кроме колдовства?

– Вы правы. Извините. Просто... мне так жалко сестренку... и себя. Я ведь без нее совсем одна останусь на белом свете! Вообще... жизнь не сахар. Даже здесь, в Москве. Нигде не чувствуешь себя в безопасности – ни на улице, ни на рабочем месте, ни в собственном доме. Вы слышали про страшную банду «Алая маска»? О них и в транспорте говорят, и в магазинах, везде! У нас на рынке болтают, как они расправляются со своими жертвами, уродуют лица. Откуда такая жестокость? И почему их до сих пор не посадили? Куда полиция смотрит?

– Преступников ищут, – сказал сыщик. – И непременно поймают.

Он был наслышан об «Алой маске»: на поимку этой банды столичные силовики бросили все возможные средства.

– Я боюсь выходить из комнаты, – кутаясь в пуховой платок, призналась молодая женщина. – Пришлось уволиться с работы. Мы с Маринкой давно решили подыскать себе что-то получше. Только куда нас возьмут? Без связей никуда не сунешься, а опять Стаса просить... неловко. Мы и так ему обязаны. Он нам помог устроиться, о жилье похлопотал. Нельзя же человеку на голову садиться!

– Да... пожалуй. Так вы, говорите, искали себе новую работу?

Вероника уныло кивнула.

– Пробовали. Газеты брали с объявлениями, звонили повсюду... в основном предлагают сетевой маркетинг. Еще требуются продавцы, разносчики рекламных листов, наклейщики объявлений. Хорошую работу так запросто не предложат, тут побегать надо. Думали, нас в тепличное хозяйство возьмут, за растениями ухаживать. Обещали вроде! Позвонили, приходите, мол, поговорим об условиях. Маринка пошла... и... все, с концами. Туда она так и не добралась.

– Что за тепличное хозяйство? – ухватился за соломинку Смирнов. – У вас есть их координаты?

– Да, конечно, – Вероника порылась в тумбочке и достала газету. – Вот телефон, обведенный красным фломастером. Мы к ним первый раз вместе ездили, это рядом с метро «Щелковская». Маленькая контора в жилом доме внутри двора, вход с торца... еле нашли. Хорошо, что вывеска яркая – «Хозяйство Зеленая Роща» – издалека видна.

– Адресок дадите?

– Зачем? – удивилась она. – Маринка к ним не доехала, я звонила, узнавала.

– Мало ли? Вдруг там неподалеку происшествие какое было, несчастный случай? Кто-то что-то слышал, видел? Возможно даже, ваша подруга приходила в контору, а служащие ее забыли, напутали с фамилией. Кстати, я бы попросил у вас ее фотографию. Имеется?

– Только маленькие, как на документы.

Вероника дала сыщику пару снимков подруги и адрес тепличного хозяйства, куда поехала Марина Комлева и не вернулась.

– А бумаги какие-нибудь у нее были? Записная книжка, школьный аттестат, например? – спросил он, разглядывая непримечательное худое личико на фотографиях. Такое вряд ли кто запомнит – глазу зацепиться не за что.

– Паспорт Маринка взяла с собой, записная книжка у нас общая... вот, – Грушина протянула сыщику тонкий дешевый блокнотик и целлофановый пакет с документами подруги. – Тут все.

Блокнот оказался почти пустым, а несколько бумажек – аттестат, удостоверяющий окончание школы-интерната при детском доме № 2 в городе Шахты, свидетельство о рождении и медицинское заключение о наличии хронических заболеваний – ничего существенного к словам Вероники не прибавили.

– У Марины были знакомые в Москве, кроме Стаса Киселева?

Грушина отрицательно покачала головой.

– Н-нет... нет! Мы этим летом приехали, друзьями-приятелями обзавестись не успели. На работе кое с кем могли поболтать, но так... по ходу дела. Здесь, в общежитии, здороваемся с соседями, одалживаем деньги по мелочи или хлеб, если купить забыли, а близко ни с кем не сошлись. Нам и вдвоем не скучно.

Она осеклась, вздохнула глубоко и... залилась слезами.

* * *

Хромову негде было остановиться в Москве, и он поехал в Кунцево, в квартиру Яны. То, что жена мертва, так и не дошло до него в полной мере.

Стояла ветреная, бесснежная морозная ночь, под ногами зловеще поскрипывало. В потемках Валерию не сразу удалось отыскать нужный дом – пять лет прошло все-таки. Срок немалый. В подъезде так же пахло мусоропроводом и котами, лифт так же был исписан непристойными выражениями и признаниями в любви – он, дребезжа, пополз вверх и остановился на пятом этаже, доставив Валерию на лестничную площадку со знакомой дверью: пыльная коричневая обивка, глазок, наклеенная полицией бумага с печатью...

Он зачем-то оглянулся, нет ли кого на лестнице, прислушался – за дверью царил тишина. Где-то выше монотонно ругались мужчина и женщина, плакал грудной ребенок, в воздуховодах гудел ветер. Валерий присмотрелся – замок на двери сохранился прежний, Яна его так и не поменяла. Он полез в карман, достал связку ключей: неужели удастся открыть? О чудо! Ключ от квартиры, который до сих пор висел на общей связке, легко вошел в замочную скважину, повернулся с тихим щелчком – у Валерия екнуло сердце. Он с опаской взглянул на бумажку с печатью – можно ли ее обрывать? Вдруг не положено? От пережитого волнения он забыл спросить об этом адвоката Шелестова. Он о многом забыл спросить.

– Не ночевать же на улице?! – пробормотал Хромов, осторожно потянув на себя дверь.

Бумажка с печатью отстала: или плохо держалась, или кто-то любопытный уже оборвал ее с одной стороны. Из мрака прихожей потянуло застоялым запахом непроветренного помещения, какого-то дыма, хвои. Похороны! – вспыхнуло в уме Валерия. Он отшатнулся, с трудом сдержался, чтобы не захлопнуть дверь и не ринуться прочь, куда глаза глядят. А выбор у него был небогатый – на вокзал, обратно в Старицу, или на улицу, бродить в поисках мало-мальски теплого подвала. Там бомжики ночуют, еще, пожалуй, побьют за непрошеное вторжение.

Эта мысль придала Валерию храбрости. Да что он, в самом деле, трясется от страха, как мальчишка? Всюду люди умирают, а потом их родственники продолжают жить в тех же квартирах, домах. Никто не бежит сломя голову.

Он перекрестился и... шагнул внутрь. По спине побежал неприятный холодок, волосы зашевелились. А ну как душа Яны все еще здесь, не хочет покидать привычное место? Говорят, убитые долго не могут найти покоя, бродят, не понимая, кто и почему столь безжалостно обошелся с ними, отнял жизнь ни за что ни про что.

Где же выключатель? – шаря по стене, напрягся Хромов. Он нащупал то, что искал, но свет не зажегся. Лампочка перегорела.

– Черт! – выругался гость и тут же спохватился, замолчал.

Затаив дыхание, он двинулся вперед, стараясь ступать неслышно. В квартире было темно, как в преисподней. К счастью, люстра в гостиной, которую они покупали вместе с Яной, зажглась и осветила комнату. Перед Валерием предстал ужасный беспорядок – вся мебель была сдвинута к стенам, на полу валялись обрывки бумажных цветов, еловые ветки, фантики от конфет, на полке стояли наполовину обгоревшие церковные свечи.

Со слов адвоката Валерий знал, что кто-то из соседей оплатил весьма скромные похороны Яны в закрытом гробу, что из морга ее останки на пару часов привезли в квартиру для церемонии прощания, что, кроме работников ритуальной службы и нескольких женщин-соседей, никто не провожал ее в последний путь. Шелестов сообщил также, что тело кремировали, а где урна с прахом, ему неизвестно.

– Хотите забрать? – спросил он у Хромова. – Тогда есть смысл наводить справки.

Тот отрицательно покачал головой. Он пока не соображал, чего хочет или не хочет. Должно пройти время.

Из гостиной Валерий прошел в спальню – здесь почти все выглядело как при нем. Только трюмо закрывал темный платок да книг на полках и этажерке заметно прибавилось. Интересно, сменила Яна место работы после того, как они расстались, или продолжала сидеть в своем киоске? Ведь надо же ей было на что-то жить? Судя по обстановке в квартире, ее доход не увеличился.

Овдовевший супруг прилег на кровать и задумался.

Сумбур мыслей, страх, неловкость, замешательство не проходили, наоборот, нарастали. Из документов, которые передал ему адвокат, следовало, что Яна являлась владелицей нескольких объектов недвижимости, среди которых значился и книжный магазин «Азор». Именно этот факт особенно поразил Хромова. Стоило торчать в подземке, в жалком киоске, ишачить на хозяина, имея собственную торговую точку – не какой-то лоток, а целый магазин? Это не укладывалось в голове. А четырехкомнатная квартира на Шереметьевской улице? А загородный дом в Подмосковье? У Яны, оказывается, и счет в банке имелся! И при всем том она прозябала в этих комнатухах с облупленными потолками и скрипучим полом, приобретала захудалую одежонку на оптовых рынках и питалась дешевыми продуктами. Что за ерунда?

– Постой, – возражал сам себе Валерий. – Так было раньше. Пять лет не прошли для Яны напрасно, она... Нет! Похороны яснее ясного говорят об уровне ее достатка. Да и все это!

Он резко поднялся, прошел на кухню, открыл дверцу холодильника – там сиротливо лежали несколько яиц, кусочек засохшего сыра, остатки вареных макарон в кастрюльке, наполовину пустой пакет молока. Хромов минуту созерцал содержимое холодильника, потом тяжело вздохнул и приложил руку ко лбу. Нет ли у него жара?

Холодильник был отключен, и продукты начали издавать дурной запах. Бывший жилец этой квартиры распахнул форточку, подставил лицо холодному воздуху. Облегчение не наступало.

– Откуда Яна взяла деньги, чтобы приобрести указанное в документах имущество? – повторил Хромов тот же вопрос, что задавал адвокату.

Он вспомнил, как Шелестов, закатив глаза, молча развел руками.

– Какое мое дело? – наконец сказал он. – Впрочем, возможно, ей ничего и не принадлежало. Сейчас многие оформляют бизнес и недвижимость на подставных лиц. Тогда настоящий хозяин непременно объявится, даст о себе знать. У него должны быть координаты вашей покойной жены – адрес, телефон. Не волнуйтесь! Просто ждите.

Валерий оставил форточку открытой, напился воды из-под крана и вернулся в спальню. Ему вдруг стало очень страшно: представилась картина жестокого убийства... лежащее на полу тело Яны, обезображенное лицо, кровь... Он с тоскливым ужасом обвел комнату взглядом. Где она лежала? Кто все здесь отмыл, прибрался? Господи... какая жуткая смерть настигла Яну! Разве он сможет заснуть здесь?

Чтобы как-то отвлечься, Хромов начал перебирать вещи, книги, осматривать ящики, полки – ничего существенного ему не попало: обычный хлам, который есть в каждой подобной квартире. Зато у «наследника» созрел план – обязательно сходить в киоск, где работала Яна, порасспрашивать о ней, а также посетить книжный магазин «Азор» и квартиру на Шереметьевской улице. За город он не поедет, а по Москве следует побродить, это лучше, чем сидеть в квартире, где произошло убийство.

К утру Валерий обыскал все уголки гостиной и спальни, кухни, ванной, туалета и прихожей. Ничего достойного внимания или наводящего на мысль, где покойная Яна раздобыла средства на приобретение дорогостоящего имущества, не нашлось. Даже балкон был тщательно исследован Хромовым – увы, безрезультатно.

Провозившись всю ночь, он почувствовал голод, достал из кухонного шкафчика гречневую крупу, соль, поставил вариться кашу. Собрал и выбросил в мусорное ведро испорченную еду из холодильника, подмел в гостиной, убирая следы похорон. Водки выпить, что ли? Помянуть умершую жену. За выпивкой придется идти в магазин.

От запаха разварившейся гречки засосало под ложечкой – Валерий почти сутки не ел. Он ощутил не только голод, но и усталость – нервы, дорога, разговор с адвокатом, тяжкие раздумья, страх, ночь, проведенная в пустой квартире, где еще витал дух Яны, вымотали его.

«Выпью и усну, если удастся», – решил Хромов. Большой бумажный конверт с документами, который вручил ему адвокат, «наследник» положил в плотный пакет и засунул под матрац.

– Надежнее будет, – прошептал он.

Пора было одеваться, идти в магазин за водкой и хлебом. И вдруг в прихожей раздался подозрительный звук, словно кто-то осторожно, крадучись, открывает входную дверь.

Глава 5

– Ищите женщину! – засмеялась Ева. – В нашем случае это знаменитое выражение приобретает несколько иной смысл. Если женщина исчезла, за этим кроется сложная и запутанная история. Далеко не всем по зубам докопаться до истины.

– Надеюсь исключительно на подаренный тобой талисман, – пошутил Смирнов, прикасаясь к кулону из ляпис-лазури с выбитым на нем египетским иероглифом «ИСТИНА».

Он не расставался с этим украшением на золотой цепочке, пряча его от посторонних глаз под рубашкой.

– Стой! – воскликнула Ева. – Погоди-ка...

Она вскочила из-за стола, за которым они завтракали, и подошла к окну, уставившись на падающий снег.

– Что случилось?

– Не отвлекай меня... ты сейчас сказал важную вещь, я чувствую, но... не могу сосредоточиться.

– Ладно!

Он не стал мешать Еве думать, набрал в тарелку вторую порцию нежнейшего омлета с грибами и паприкой и принялся уплетать за обе щеки.

Всеслав и Ева прекрасно дополняли друг друга: он олицетворял логическую и оперативную сторону сыска, она же – интуитивную, духовную. Благодаря Еве Смирнов понял одно: имея дело с человеком, нельзя игнорировать его душевные порывы, его внутренний мир, в котором зарождается и зреет все, что потом появляется на подмостках жизни, – и творчество, и любовь, и... преступления. Увы, увы! В сущности, способность проникать в «потемки» чужой души сделала бы работу сыщика быстрой и легкой.

– Какая идея пришла в твою очаровательную головку, дорогая? – спросил он, покончив с омлетом.

Ева со вздохом вернулась к столу, села. Аппетит у нее пропал.

– Следует обращать особое внимание на самую первую мысль! – с нажимом произнесла она. – Что ты сказал после моей фразы о «сложной и запутанной истории»?

Сыщик пожал плечами.

– Ничего.

– А вот и нет! – Ева многозначительно подняла вверх указательный палец. – Ты упомянул Древний Египет!

– Разве? По-моему, я просто намекнул на талисман...

– Не спорь! – сердито перебила она. – На кулоне есть иероглиф, который в Древнем Египте обозначал *истину*. Значит...

Ева не смогла закончить мысль.

– Что?

– Пока не знаю. Но Египет всплыл неспроста.

– Конечно, – Смирнов спрятал улыбку. – Он будет всплывать каждый день, потому что я не снимаю цепочку, на которой висит камешек с иероглифом! И ты можешь созерцать его даже ночью, во время любовных ласк.

– Напрасно иронизируешь, – надулась Ева.

– «Молох» не имеет отношения к Египту, – заметил сыщик. – Ведь так? Это ненасытное финикийское божество, связанное с природой и солнцем, постоянно алчущее жертв! А финикийцы, как гласит история, жили на восточном побережье Средиземного моря. Правильно?

Она раздраженно кивнула.

– Видишь, какой я умный?

Ей стоило больших трудов приучить Смирнова пользоваться словарями и энциклопедиями, но наука пошла ему впрок.

– Ты уже ходил туда... в тот ужасный клуб? – спросила Ева.

– Нет, и не пойду! Никто мне там ничего не скажет. По-твоему, они признаются, что по их вине пропала какая-то женщина? Да и где доказательства? К ним приходят десятки людей, ради любопытства, потом уходят, и все в порядке.

– А проклятие?

– Не более чем устрашающий ритуал, я уверен. Таких заведений в городе полно – экзотика с приправой черной магии нынче приносит невиданные дивиденды! Должны же члены общества «Молох» напустить страху на людей, жаждущих острых ощущений? Это коммерция, дорогая Ева. Спрос порождает предложение.

– Не боятся же люди таким образом деньги зарабатывать?! – возмутилась она.

– Они хоть не берутся снимать порчу и не обещают излечение от всех болезней. А деньги посетители платят добровольно, за вход. Хочешь, раскошеливайся, не хочешь – иди себе восвояси. По крайней мере это не грабеж и даже не лохотрон. Тебе предоставляют свободу выбора.

– Выходит, этот «Молох» – еще один способ выкачивания денег у простаков?

– Думаю, да. Некое подобие «Комнаты страха» для увлекающихся мистикой представителей среднего класса. Толстосумы – не их контингент: тех повсюду сопровождает охрана, и заведения они посещают исключительно шикарные. Какой-то «Молох» им не по уровню. Ну а среднестатистический гражданин нашим *жрецам финикийского божества* неинтересен, как и они ему, – плата «кусаются», выпивки не подают, закуски тоже.

– Остришь? – блеснула глазами Ева. – Как бы пожалеть не пришлось!

– Давай сделаем разведку, – примирительно предложил Смирнов. – Изберем путь компромисса: навестим не поклонников Молоха, а Елкина. Того самого *друида*, который пригласил Стаса с девушками в сие сомнительное заведение. Я кое-что накопал по своим каналам, попробую прижать его, прощупать, чем дышит. Согласна составить мне компанию?

Ева обрадовалась. Хоть какое-то развлечение!

– Будешь еще омлет? – спросила она.

Не терпелось убрать со стола и заняться более интересным, чем кухня или уроки испанского языка, делом.

Через час, замерзшие, все в снегу, Смирнов и Ева позвонили в дверь большой коммунальной квартиры. Открыла сгорбленная седая старушка в папильотках, вытертом бархатном халате зеленого цвета и меховых тапочках.

– Вам кого? – прошамкала она, прикладывая руку к уху. – Говорите громче!

– Нам нужен Платон Елкин! – изо всех сил гаркнул Всеслав.

Старушка указала в глубину темного захламленного коридора.

– Третья дверь справа. Стучите сильнее, он музыку слушает в наушниках.

Горбунья шаркающей походкой скрылась в кухне, откуда неслись запахи жареной картошки.

Всеслав и Ева остановились у двери Елкина, переглянулись.

– Какая проза, – прошептал сыщик, скорчил забавную гримасу. – Никакой мистики, сплошной быт!

Стучать пришлось долго. Наконец дверь отворилась, и на пороге показался высокий, худой молодой человек в майке и спортивных штанах, на его шее висели наушники, а длинные волосы были заплетены в косички. На конце каждой косички красовался желудь. Вид у Елкина оказался настолько комичным, что Ева прыснула, спряталась за спину Смирнова и зажала рот ладошкой.

– Вы кто? – бесцеремонно разглядывая незваных гостей, спросил *друид*.

Если бы не желуди, ничто не говорило бы о его принадлежности к касте древних кельтских жрецов.

– Мы от Стаса Киселева, – ответил сыщик, напирая грудью на Елкина. – Можно войти?

Тот посторонился, пропустил гостей в комнату. Жилище *друида* походило на лесной питомник, устроенный в городской квартире, – все свободное пространство занимали кадки, бочонки, керамические горшки и ведра, наполненные землей, в которых росли карликовые деревца и кусты. По стенам вились лианы, с потолка свисали зеленые шары омелы – священного растения кельтов. Пахло, как в теплице ботанического сада.

– Ого! – не удержалась Ева. – Это все живое?

– Кроме омелы, – важно кивнул головой хозяин комнаты. – Она прекрасно сохраняется, если ее сорвать в нужное время.

Елкин с трудом нашел место, где можно было присесть: гости расположились на крохотном диванчике, наполовину заваленном книгами о растениях и пучками сухих трав. Всеслав хранил молчание и только оглядывался по сторонам, Ева пожирала глазами лежащий на деревянном блюде небольшой камень. Вокруг него стояли полуобгоревшие свечи, а сам камень напоминал обычный булыжник.

– Это обломок Стоунхенджа, – удовлетворил ее интерес Платон Елкин, – храма, где жрецы кельтов отправляли тайный культ Солнца. Они собираются вокруг своей святыни по сей день! – В его голосе зазвучал пафос. – Мне друг привез камень от самого подножия великих столбов!

– Что вы говорите! – изобразил восхищение сыщик.

На самом деле камень мог быть подобран в ближайшем дворе и преподнесен доверчивому *друиду* в качестве реликвии. Скорее всего, так и было.

Ева разделяла мнение Смирнова, и они понимающе переглянулись. Елкин воспринял их реакцию по-своему.

– А вы... собственно, по какому поводу? – спросил он.

– Мы как раз интересуемся тайными культами! – заявила Ева. – Хотели попасть на «черную мессу», но не получилось: везде одна надуваловка. Настоящий обряд никто так просто не покажет. А Стас говорил, вы ему помогли увидеть нечто потрясающее!

Друид растерялся. С одной стороны, удача шла ему в руки; с другой... чувствовалась в этих людях некая неуловимая уверенность в себе. Такие обо всем имеют собственное мнение и трудно поддаются «магическому» воздействию. Стоит рискнуть или лучше воздержаться?

– Не возьму в толк, о чем вы? – притворно удивился Елкин. – Да, я водил Стаса в лес, к священному ясеню... показывал энергетику деревьев. Я вообще предпочитаю общаться с растениями. Это гораздо приятнее, чем с людьми: набираешься сил, очищаешься от скверны, которой нахватался в городе. Знаете, какая у меня мечта? Переселиться в деревню, раствориться в природе...

Смирнов слушал витиеватый монолог *друида*, испытывая острейшее желание задать ему парочку серьезных вопросов.

– Мак в огороде посеять, коноплю, – невинно добавил сыщик. – А что? Пироги печь с чем-то надо? Да и масло конопляное – весьма полезный продукт.

Елкин выпучил глаза, покраснел и взмахнул длинными и тощими, как плети, руками. Он порывался встать, но под взглядом гостя осел, поник.

– Некоторые растения имеют столь чудесные свойства, что из-за них можно попасть не только в нирвану, но и за решетку, – угрожающе произнес Всеслав. – А то и в мир иной! Донесу Коке на тебя, мол, травкой приторговываешь на его территории нелегально, клиентов сманиваешь. Догадываешься, что он с тобой сделает?

Лицо *друида*, и так не отличающееся здоровым цветом, позеленело. Ему было хорошо известно, как Кока – монополист по распространению любого зелья и порошка в этом районе –

поступает с конкурентами. Елкин старательно соблюдал меры безопасности, но... наркоманы народ ненадежный, видно, сболтнул кто-то. «Под кайфом» был и сболтнул. Или заставили.

«Лесной брат» судорожно глотал, пытаясь справиться с комком в горле. Он был трусоват и дрожал за свою драгоценную шкурку.

– Я... только иногда... работы нет, а жить-то надо! Что... что вам нужно?

– Таким ты мне больше нравишься, – усмехнулся Смирнов. – Будем разговаривать?

Ева испуганно молчала. Поворот событий привел ее в легкое замешательство. И почему Славка не предупредил?

Елкин лихорадочно соображал, как ему себя вести, прикидывал, кто перед ним. Менты? Не похоже. Друзья Стаса? Тогда почему наезжают? Неужели из-за той девчонки?

Сыщик между тем продолжал вопросы.

– Где «дурь» берешь?

– Друг привез немного... из Узбекистана. Он туда часто ездит, к тетке.

– Ладно, допустим.

– Коке не настучи! – с дрожью в голосе взмолился *друид*. – Травку Узбек привез, клянусь! Для личного пользования. Ну... и для продажи, совсем чуть-чуть... чтобы на жратву хватало и за жилье заплатить.

– Узбек? Кличка такая у твоего друга, что ли?

Елкин радостно закивал головой, даже порозовел немного. Из его речи исчезли высокопарные слова и торжественная интонация, они с гостем незаметно перешли на «ты».

– Меня вообще-то не «дурь» интересует, – небрежно бросил Смирнов.

– А что? – загорелся *друид*.

– Тайные культы! – вмешалась Ева. – Мы не шутим. Организуйте нам посещение «Молоха», если можно. Ужасно тянет посмотреть на подлинный *финикийский ритуал*!

– Какой ритуал? – махнул рукой молодой человек. – Признаюсь вам по секрету: вся эта затея – баловство и глупость! Мужики решили денег подзаработать, ну и меня в долю взяли. Я ужастики знакомым рассказываю, лапшу вешаю, потом веду их туда, на представление, – платное, разумеется. Якобы Молох, если произвести обряд и умиловить его *жертвой*, становится тайным помощником нового адепта... ну, дела его пойдут в гору, недоброжелатели сгинут, в игре будет везти, если он картами увлекается или рулеткой. Короче, фарт поперет!

– А жертва... должна быть человеческая? Надеюсь, вы младенцев не режете, в медных котлах не варите?

– Да вы что! – *друид* прижал руки к впалой груди. – За кого вы меня принимаете? Это же все разводняк! Спектакль для легковверных! Клянусь священным дубом!

Он схватил прицепленный к косичке желудь и поцеловал в знак подлинности клятвы. Ева подавила смех. Парень казался безобидным чудачком.

– Мошенничество, значит! – констатировал сыщик.

– Почему? – обиделся Елкин. – Не совсем. Все от человека зависит! Кто *поверит*, у того правда бизнес налаживается, везение начинается, деньги отовсюду валят. Мысли ма-те-ри-аль-ны!

– Что ж ты тогда «дурь» продаешь? Сидел бы и материализовал рубли-то! – поддел его Всеслав.

– Не умею я, – парень сокрушенно покачал головой. – Не получается. Твердости не хватает!

* * *

Душераздирающий крик заставил Хромова инстинктивно метнуться назад и затаиться за шкафом. Из прихожей раздался грохот падающего тела, затем наступила тишина.

Он прислушивался, умиряя бешеный стук сердца. Ни звука не доносилось оттуда, где они с Яной поставили вешалку для верхней одежды и где по привычке, которая, оказывается, сохраняется годами, Валерий повесил свою теплую куртку. Осторожно, стараясь не дышать, он выглянул в коридор. В прихожей не было лампочки, и разглядеть что-либо не представлялось возможным.

Хромов постоял, выравнивая дыхание и собираясь с мыслями. Как быть? Не может же он бесконечно стоять и гадать: кто кричал, что упало? Мелькнула страшная мысль – убийцы! Они вернулись! Спрятались там, за вешалкой, в полумраке, и ждут, когда он выйдет... чтобы расправиться с ним так же, как с Яной. Но за что?

– Господи! Чем мы провинились перед тобой? – одними губами прошептал Валерий.

Тишину ничто не нарушало, и бывший жилец квартиры решил пересилить свой страх. Должен же существовать выход из сложившейся ситуации? И он не в том, чтобы, замирая от ужаса, ожидать, пока кто-то перережет тебе горло. Если смерть рядом и она неизбежна, вопрос времени теряет свою актуальность. В одной из книжек, которые подсовывала ему Яна, он прочитал фразу, которая врезалась в память: как ожидание счастья бывает лучше самого счастья, так и ожидание смерти бывает хуже самой смерти.

Странно работает ум: за считанные минуты, проведенные Валерием в его убежище, он успел подумать о многих вещах. А говорят, от страха человек теряется, плохо соображает... Видимо, разные люди ведут себя по-разному.

Только что проведенное обследование квартиры и ее содержимого помогло Хромову вспомнить: в шкафу, на полке, лежит молоток. Он сделал шаг в сторону, осторожно потянул дверцу – молоток был на месте и легко скользнул в руку.

«Чего они ждут?» – подумал Валерий о затихших в прихожей неизвестных.

Эх, была не была! Он покинул свое укрытие и двинулся по коридору. На полу у вешалки лежало нечто бесформенное, входная дверь была приоткрыта. Убежали! – с облегчением вздохнул Хромов. Что-то их спугнуло!

Приблизившись, он наклонился и увидел, что на грязном линолеуме валяется вовсе не упавшая с вешалки одежда, там распростерлось полное тело дамы средних лет, облаченной в серое шерстяное платье. Дама не подавала признаков жизни.

– Откуда она взялась? – пробормотал Валерий и, не выпуская из руки молотка, опустился на корточки.

Крови вокруг не было. Он наклонился ниже, – роскошный бюст дамы слегка вздымался. Она дышала!

– Живая... – удивился Хромов, бросил молоток и побежал в кухню за водой.

Когда он вернулся, дама уже приходила в чувство. Глоток воды сделал чудо – она осмысленно посмотрела на молодого мужчину, склонившегося над ней, и простонала:

– Где я? Вы врач?

– Нет! – обрадовался Хромов. – Я... жил здесь раньше.

Такое объяснение ее не удовлетворило.

– Помогите мне встать! – с металлическим оттенком в голосе приказала она. – Как вы меня напугали! Вы... чуть не убили меня. У меня повышенное давление!

Валерий с трудом приподнял ее грузное обмякшее тело, вдвоем они кое-как доковыляли до дивана в гостиной. Дама отдышалась, достала из кармана таблетку.

– У меня лекарство всегда с собой.

– Как вы оказались в моей... в этой квартире? – спросил Хромов, подавая ей стакан с водой.

Женщина не спешила с ответом, внимательно приглядывалась к собеседнику.

– Ты кто таков будешь?

Хромов смешался. Назваться мужем? Так Яны больше нет. Вдовцом? Как-то язык не поворачивается. Наследником? Глупо и... вульгарно.

– Я... мы... в общем, я был женат на Яне.

– Муж, что ли? – прищурилась дама. – Вот так так! Явился, не запылился!

– Угу, – виновато подтвердил Хромов.

– Документ покажи. Паспорт!

Он послушно принес паспорт, протянул даме. Та поднесла книжечку к самому носу, сверила фото с оригиналом, прочитала вслух:

– Валерий Михайлович Хромов... верно, и Яна была Хромова. Вот и отметка о браке. Не врешь!

Он рискнул задать мучивший его вопрос:

– А... как вы вошли?

– Очень просто. Дверь-то была открыта!

Валерий пришел в ужас. Вчера, поздно вечером, он так разволновался, что забыл запечатать дверь! Прикрыл только, забыл, что она не захлопывается. И не до того ему было. Точно! Выходит, всю ночь он провел в квартире с открытой дверью...

– Простите, я на минуточку, – он поспешно вскочил и побежал в прихожую.

Дверь была приоткрыта. Валерий повернул ручку простейшего китайского замка, подержал для надежности – теперь порядок.

– А я Феню выпустила утром, гляжу – на Яночкином коврик перчатка валяется, мужская. Неужто, думаю, опять кто залез? Квартира-то пустая! Может, бандиты те самые? Хотела в полицию звонить, да постеснялась.

– Вы соседка? – догадался Хромов.

– Раиса Зиновьевна, – степенно представилась дама. – Живу рядом. А Феня – моя кошка, настоящей сибирской породы. Так вот, подошла я поближе, дверь толкнула легонько, она и подалась. Я заглянула в прихожую – темно, никого. Вхожу на цыпочках, не дышу, и вдруг – шаги раздались. Уж как я испугалась, закричала... кровь мне в голову бросилась, сердце остановилось. Упала-то уже в беспамятстве... слава богу, головой не ударилась. – Она ощупала голову, улыбнулась. – Шишки нет.

– Это, наверное, я перчатку вчера уронил, – объяснил Хромов. – Когда ключи доставал. Раиса Зиновьевна полезла в карман, вытащила перчатку.

– Ваша?

– Моя.

По мере того как соседка проникалась доверием к Валерию, она оттаивала и стала обращаться к нему на «вы», как и полагается женщине с хорошим воспитанием.

– Уф-ф... какой груз вы с моей души сняли, молодой человек! Теперь вы за все в ответе – и за квартиру, и за поминки. Сорок дней теперь надо отметить, потом год. После похорон-то мы с Борисовной пирожков напекли, блинчиков, кашу рисовую сварили с изюмом... угостили всех, кто пришел. В крематорий не поехали, посидели вдвоем, всплакнули... погоревали о Яночке. Совсем молодая из жизни ушла! А смерть-то какая лютая ей досталась! В закрытом гробу из морга привезли... – Раиса Зиновьевна всхлипнула. – Когда ее нашли... убитую, мы с Борисовной тело... это... опознавали. Больше-то никто с Яночкой близко не общался, родных у нее не сыскалось. Я как глянула... у меня все в голове помутилось, а Борисовна едва чувств не лишилась. Страсть-то какая, господи! Я с тех пор без снотворного уснуть не могу. Что за изверги живут на свете, как их земля носит!

Соседка долго и пространно рассказывала о том, как нашли убитую Яну, – бандиты даже дверь не потрудились закрыть, потому что они полиции не боятся, – и труп обнаружил пес Деррик с седьмого этажа: начал выть и рваться в квартиру. Ужасная картина предстала взгляду хозяина, который рискнул выяснить, в чем дело.

– А на какие средства хоронили Яну? – спросил Хромов. – Кто взял на себя хлопоты, расходы?

Раиса Зиновьевна потупилась.

– Я и взяла. Мой брат машину решил покупать, пришел ко мне деньги одалживать. Я дала немного, но это крохи. А примерно месяца два назад мы с Яночкой разговорились... я Феню искала во дворе, а она с работы возвращалась. Обменялись новостями, я упомянула, что брату денег не хватает на машину, а Яночка, добрая душа, предложила взять у нее. Говорит, копила на ремонт, но раньше весны начинать не будет. Вы не подумайте, я не просила, – соседка приложила пухлые руки к груди. – Я знала, что у нее с деньгами негусто. Она сама меня уговорила! Я, конечно, обрадовалась, обещала к весне отдать. А оно вон как получилось. Как только я узнала о гибели Яночки, сразу позвонила брату: он переодолжил, привез всю сумму. Эти деньги я потратила на похороны и поминки, скромные, но... все ж не казенные. Хоть так долг вернула. Нет ничего хуже, чем задолжать покойнику!

Валерий согласно кивнул.

– Я ничего не знал, – оправдывался он. – Мне никто не сообщил о смерти Яны.

– Она о вас не говорила. Я вообще думала, что Яночка не замужем. Только когда полицейский по квартирам ходил, расспрашивал, кто что видел или слышал, он и про мужа вопросы задавал. Про вас то есть.

– Мы уже пять лет как разъехались.

– А я в этом доме только три года живу, – объяснила Раиса Зиновьевна. – Поменяла свою двухкомнатную на однокомнатную с доплатой. Поэтому мы с вами незнакомы.

– Яна так и работала в киоске в метро? – спросил Хромов.

– Кажется, да. Она была неразговорчивой, замкнутой, но доброй женщиной. Жалко ее. Вы хоть знаете, где ее похоронили? Урну-то я не забрала, слегла с давлением. Вина на мне лежит ужасная: невостребованный прах могут забросить куда угодно. Меня из-за этого преследует душа несчастной Яночки. Недаром существует поверье, что не погребенный должным образом покойник не находит себе пристанища ни в этом мире, ни в том, бродит тенью среди живых и взывает о помощи. Или мстит.

– Как... бродит? – с дрожью в голосе спросил Валерий.

Раиса Зиновьевна, которой заметно полегчало после принятой таблетки, оглянулась и понизила голос.

– Нельзя говорить об этом вслух, – прошептала она. – Не то сочтут за ненормальную. Возрастной психоз! Слышали такой термин? Я частенько вечерами выхожу во двор, искать Феню: она у меня гулена, никак домой не дозовешься. И пару дней назад в темноте мне почудилось... что Яночка идет по дорожке... напрямик к подъезду. Я обомлела! А мне нервничать опасно – давление подпрыгивает, я отвернулась скорей и успокаиваю себя по-всякому. Потом голову подняла на ее окна... если бы там свет загорелся, меня бы инфаркт хватил. Слава богу, все обошлось. Она мне то во сне приснится, то в подъезде покажется – неясным силуэтом в полумраке, куда свет не падает, – я даже у себя дома начала ее видеть. Знаете, то в зеркале мелькнет что-то, то в окне покажется. Кошма-а-ар! А сегодня, когда я услышала шаги в ее квартире, то первая мысль была – Яночка пришла. Потому-то я обмерла вся от страха и в обморок упала.

Хромов подумал, что женское любопытство – сильное чувство, раз оно заставляет некоторых дам рисковать своим здоровьем. Он сам едва не умер, когда услышал в прихожей истошный крик и звук падения чего-то тяжелого. Раисе Зиновьевне с ее давлением не стоило входить в чужую квартиру, где произошло убийство. Правда, вслух он сказал другое:

– Дайте мне адрес... крематория, где я могу забрать урну с прахом моей жены.

От слова *крематорий* у него свело скулы.

Соседка охотно удовлетворила просьбу и тяжело подняла с дивана пышное, рыхлое тело.

– Ну, я пойду, пожалуй.

В прихожей взгляд Раисы Зиновьевны случайно упал на валяющийся на полу молоток. Она промолчала, но столь стремительно ринулась вон, что забыла попрощаться.

Хромов закрыл за ней дверь, задумался. Водки ему уже не хотелось...

Глава 6

Ева таки уговорила Всеслава поехать в «Молох».

Найдя нужную улицу и дом, они долго безуспешно пытались воспользоваться переговорным устройством, установленным на двери без всяких опознавательных знаков, стучали – никакого ответа.

– Действовать напролом в случае с мошенниками от «черной магии» – гиблое дело, – вздохнул сыщик. – Маги и колдуны – народ тонкий. К ним индивидуальный подход требуется.

Ева вынуждена была согласиться.

Смирнов решительно отверг ее предложение *внедриться* в общество последователей культа под видом начинающей приверженки финикийского бога.

– Нет уж! – отрезал он. – Еще тебя потом разыскивай! Хватит с меня Комлевой. Сначала надо выяснить, с кем мы имеем дело.

– Так *друид* же сказал, что у них одна шайка-лейка.

– Какой он *друид*? – фыркнул сыщик. – Обыкновенный лентяй, который ищет легких заработков да покуривает травку для кайфа. Наплел на пустой голове кучу дурацких косичек, навешал желудей и прикрывается красивыми фразами о духовности! Терпеть не могу дешевого маскарада. Жалко, что он еще настойки из мухоморов не пьет для погружения в нирвану.

– Зря смеешься, – возразила Ева. – Во-первых, ты путаешь нирвану с наркотическим трансом, а во-вторых... ненецкие шаманы, например, перед тем как ворожить, не обходятся без мухоморов. И вообще, грибы – источник трансцендентального опыта!

– Что-что?

– Я тебе дома все подробно расскажу. Сейчас речь не о шаманском зелье, а о пропавшей женщине. Может быть, ее похитили для какого-нибудь ритуала, требующего человеческой жертвы? Это и называется *утолить жажду* Молоха. Чего он жаждет, по-твоему, кроме крови?

– Тебе виднее, – саркастически улыбнулся Всеслав. – Ты лучше разбираешься в финикийских обычаях. Только зачем такие сложности – привести новых посетителей, выбрать среди них будущую жертву, да еще и объявить об этом при всех? Куча свидетелей! Это все равно что выдать себя с потрохами. Не проще ли выкрасть на улице прохожего, прикончить, и концы в воду?

– Какой неприкрытый цинизм, – возмутилась Ева. – Слушать противно.

– Я рассуждаю с точки зрения преступников.

– Они никого не боятся в последнее время. Хоть эта «Алая маска», к примеру: который месяц безнаказанно орудует среди бела дня.

– Но у них, по крайней мере, нет офиса, куда может прийти любознательный оперативник и накрыть всю банду.

– Веский аргумент! – засмеялась Ева. – Убедительный. Ладно, Смирнов, этот раунд ты выиграл.

– Мы не на ринге.

– Правда? О-о, как я до сих пор заблуждалась! Тогда поехали в тепличное хозяйство, сделаем вид, что ищем работу.

– Говорил тебе, одевайся скромнее, – проворчал Смирнов. – Дама в модной изящной дубленке и сапожках из натуральной замши со стильными пряжками хочет трудиться в теплицах. Кто поверит?

– В жизни чего только не бывает, – бодро шагая к метро, заявила Ева. – Не отставай!

Сыщик смирился. Они вышли на «Щелковской», быстро отыскивали внутри одного из дворов указанный в адресе дом. Пристроенное с торца крыльцо и вывеску над дверью увидели сразу.

– «Хозяйство Зеленая Роща», – вслух прочитала Ева, дергая дверь.

И здесь их подстерегала неудача – дверь оказалась закрыта, на стук никто не откликнулся. Дворничиха, разгребающая снег, неодобрительно косилась на Всеслава и Еву.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо обратился к ней сыщик, – почему здесь закрыто? Мы приехали по объявлению, работу ищем.

– Опоздали, – оторвалась от своего занятия женщина в потертом черном тулупе. Она оперлась на лопату и угрюмо уставилась на посетителей. – Они уже давно закрылись. Набрали штат!

– Как? – ахнула Ева. – Мы позвонили, нам велели прийти на собеседование.

Дворничиха с сомнением смотрела на весьма прилично одетых людей.

– Наша фирма разорилась, – пришел Еве на помощь Смирнов. – Срочно нужно выплачивать долги. Согласны на любую работу!

– Тогда поезжайте к ним, прямо в Зеленую Рощу, – недоверчиво качая головой, посоветовала дворничиха. – Может, возьмут еще. Только там плотют не так уж много.

– А когда эта контора закрылась?

– Да... почитай, на прошлой неделе. До весны. Весной у них новые теплицы открываются, опять набор будет.

– Вот досада! – притворно сокрушался сыщик. – Не повезло. Наша знакомая получила здесь работу, мы тоже решили попытать счастья. Вы ее не запомнили случайно?

Он достал из кармана фотографию Марины, протянул дворничихе. Та сняла толстую варежку, двумя пальцами взяла снимок, поднесла к глазам.

– Нет... не помню. Сюда много народу разного приходило, я не присматривалась.

– Это дней десять назад было, – подсказала Ева. – Тогда контора еще работала?

– Кажись, да. – Дворничиха вернула фотографию и надела варежку. Ее брови, ресницы и пушок над верхней губой покрылись инеем. – Только женщины вашей я не помню.

– Это «Хозяйство Зеленая Роща» помещение выкупило или арендовало? – спросил сыщик.

– Снимали временно. Тут раньше детские кружки были, от ЖЭКа, детишек обучали мастерить, модели самолетов делать, воздушных змеев. Мой парнишка сюда ходил. Потом финансы урезали, ребят выгнали, а помещение стали сдавать. Сначала тут швейная мастерская обосновалась, немного поработали и съехали, так и пошло: то одно, то другое.

– Почему же эти тепличники вывеску не сняли?

– Забыли, наверное. Приедут, снимут, – она никуда не денется. А может, у них срок аренды до весны? Тогда пусть висит. Люди приходят, спрашивают.

– А каких-нибудь происшествий тут в последнее время не случилось? Несчастных случаев? Под машину никто не попадал?

Дворничиха хмыкнула, повела глазами.

– Вы работу ищите или... вашу знакомую? Может, вы из полиции?

– Не-е-ет! – воскликнула Ева. – Разве мы похожи на ментов?

– Вы, дамочка, не похожи, а вот мужчина очень даже смахивает. Ну, какая разница? Все одно я вам ничего не скажу, потому как ничего особенного у нас тут не случилось. Пьяница замерз третьего дня, пацаны драку устроили, пес у бабульки с первого этажа сбежал и потерялся – так ведь вас это не интересует.

– Какой пес? – ухватился за ниточку Смирнов.

– Шавка рыженькая, кудлатая, Люськой зовут. Я бабке сколько раз говорила, нельзя собаке человеческое имя давать! Неприлично это. А она выйдет, спустит шавку с поводка, а потом кричит на весь двор: «Люська! Люська!» Видать, кто-то обиделся, прибил собачонку или отвез куда.

– Помнишь, у метро рыженькая собачка бегала? – обратился сыщик к Еве. – С ошейником?

Та подняла брови от удивления, но послушно кивнула, подтверждая.

– Точно! Может, это Люська?

– Тьфу ты! Тьфу! – в сердцах сплюнула дворничиха. – Вот ведь назвали шавку! Она паршивенькая – лапы кривые, уши обвислые, хвост как у крысы. Смотреть противно. Бабку только жалко, убивается.

– Давай пойдем к хозяйке собаки, – предложила Ева. – Скажем, что мы ее Люську видели.

Смирнов улыбнулся – молодец, мол, догадалась, к чему он ведет.

– Идите, – махнула рукой дворничиха. – Второй подъезд, синяя дверь. Бабка постаралась, обновила. Ей, видите ли, так нравится.

Бабкину квартиру они нашли без труда – ярко-синий цвет сразу бросился в глаза, как только вошли в парадное.

– Зачем ты придумал про собачку? – шепотом спросила Ева.

– А как иначе расположить к себе сердобольную старушку? И дворничиха не сказала бы адреса. Увидишь, бабка нас примет с небывалым радушием и выболтает все, что знает.

– Или не знает, – скептически поджала губы Ева.

На звонок открыла маленькая кругленькая старушка с румяными щеками. Услышав о Люське, она засуетилась, пригласила Всеслава и Еву в комнату, тесную от старой мебели, плюшевых портьер и всевозможных безделушек. Гости едва поместились за круглым столом, уставленным вазами и подсвечниками.

– Я электричество экономлю, – объяснила пожилая дама. – Пенсия маленькая, а дети не помогают. Да бог с ними! Хоть бы сами прокормились. Так где вы видели мою Люську?

Слово за слово, выяснилось, что рыженькая собачка, которая «бегала у метро», совершенно не похожа на пропавшую Люську. Но старушка уже прониклась благодарностью к Смирнову и Еве – не поленились, пришли, уважили пожилого человека. Сие нынче редкость.

Она охотно рассказала о «Хозяйстве Зеленая Роща» все, что ей было известно.

– Сидела там женщина, хорошая, вежливая, записывала на работу желающих. Не всех, а кто прошел собеседование. Многие уходили ни с чем. Потом, когда набрали нужное количество людей, контору, или... как это теперь называется... офис, закрыли. Я своей племяннице посоветовала обратиться в это хозяйство, но ей отказали.

Ева изобразила такое огорчение, что пожилая дама растрогалась, принялась ее успокаивать.

– Вы весной приходите! Они опять будут сотрудников набирать.

– Откуда вы знаете?

– Так моей племяннице сказали. Да и вывеска осталась!

Сыщик задал старушке вопрос о происшествиях и несчастных случаях. Она развела руками, повторила сказанное дворничихой. Напоследок он показал ей фотографию Марины. Бабка долго щурилась, сетовала на разбитые очки, извинялась.

– Даже если видела, не признаю, сынок! Я черты лица не различаю без очков-то, сдачу в магазине сосчитать не могу. А на новые пока денег нету.

Уходя, Ева достала из кошелька пару купюр, протянула старушке.

– Возьмите, сделайте себе очки.

Та застеснялась, но деньги взяла со слезами на глазах.

На улице Ева глубоко вдохнула морозный воздух, на выдохе из ее губ вырвалось облачко пара.

– Вот что мы имеем, – уныло произнесла она. – Зря потерянное время.

– Можно еще съездить в Зеленую Рощу, – предложил сыщик. – Поговорить с той женщиной, которая занималась набором сотрудников в хозяйство.

– Нет, с меня хватит! Ну, допустим, приходила к ней Комлева, и что? Или не приходила. Какая нам польза от этого факта?

* * *

Книжный магазин «Азор» оказался небольшим, но со вкусом отделанным – черные деревянные балки, стеклянные, оправленные в металл светильники, узкие фрески на стенах, изображающие египетских писцов, греческих философов и средневековых астрологов. Торговый зал был разделен на три зоны: в одной продавалась художественная и эзотерическая литература, в другой – антикварные книги, в третьей, самой маленькой, – карты для гадания, свечи, статуэтки из поделочного камня, благовония, песочные часы и сувениры в восточном стиле.

Хромов робко ходил вдоль витрин и прилавков, разглядывая диковинные вещицы. В магазине толпились покупатели, торговля шла бойко. В залах стоял насыщенный аромат сандала и можжевельника, индийских палочек, жасминового масла, от которого у него начала побаливать голова. Возможно, запахи были тут ни при чем, просто он растерялся от увиденного.

«А чего ты ожидал? – спрашивал себя Валерий. – Что бумаги, переданные адвокатом Шелестовым, окажутся фальшивыми, как и указанная в них недвижимость?»

Он делал уже третий круг по магазину, от волнения покрываясь испариной.

– Мистика какая-то...

Решившись, Хромов подошел к прилавку с антикварными изданиями, где стояли только два покупателя, и обратился к миловидной продавщице:

– Мне нужен директор. Где его найти?

Девушка смерила Хромова оценивающим взглядом. Внешний вид мужчины, интересующегося директором, не вызвал у нее доверия. Дешевая куртка, мятые брюки, серая кроличья шапка на голове – приличные люди одеваются по-другому. Однако наглубить покупателю продавщица не посмела.

– Вера Петровна у себя в кабинете. А зачем она вам?

– Поговорить хочу.

– Я могу вам помочь? – принужденно улыбнулась девушка.

– Вы? Нет, не можете.

Валерий провел тыльной стороной ладони по лбу, вздохнул – он ужасно переживал. Как ему разговаривать с директором такого респектабельного магазина? Кем представиться?

– Идите во-о-он туда, – показала продавщица на проход за прилавком с многотомными изданиями большого формата. Их корешки тускло поблескивали золотым тиснением.

На ватных ногах Хромов добрал до двери с надписью «Директор» и постучал. Он чувствовал себя путешественником в неизведанный мир, где на каждом шагу подстерегают опасности.

– Войдите!

У Валерия вспотели ладони. Потянув за ручку, он, ничего не видя перед собой, шагнул вперед. За письменным столом сидела дородная дама с высокой прической, в светлой блузке с жабо, делающим ее и без того пышную грудь необъятной.

– Что случилось? – спросила она. Приход Хромова удивил ее.

Он смущенно топтался, сопел и молчал.

– Вы ко мне? – начала раздражаться дама. – По какому вопросу?

«Сейчас она меня выгонит! – промелькнуло в уме Валерия. – И я ничего не узнаю».

– Это... частный магазин? – выпалил он пересохшими, обветренными на морозе губами. Брови дамы взметнулись вверх и так застыли, подобно двум горным вершинам.

– Вы, собственно, кто? – холодно произнесла она, постукивая холеными пальцами по столу.

– Я? Я... наследник, то есть... хозяин, – неразборчиво пробормотал Хромов. – Яна Арнольдовна умерла, если вам известно. Теперь... магазин будет принадлежать мне, после... соблюдения всех формальностей.

Дама приподнялась со своего кресла, вырастая, как огромный гриб с белой шляпкой. Ее лицо выражало крайнюю степень изумления. Валерий испугался, но деваться было некуда.

– Что, п-простите?

– Моя фамилия Хромов, – выпалил он, ощущая бегущие по телу мурашки озноба. Его бросало то в жар, то в холод. – Зовут Валерий Михайлович. Вот мой паспорт!

Дама брезгливо взяла у него документ, пролистала, пробежала глазами. Ее щеки стали красными, а глаза чуть не выскочили из орбит.

– Жена умерла, – повторил Хромов, чувствуя всю степень недоумения директорши. – И это все скоро станет... моим. Вы меня слышите?

Дама рухнула обратно в кресло, которое издало жалобный писк.

«Если хозяйкой «Азора» была не Яна, директорша возмутится, ее терпение лопнет, и меня выгонят за дверь, а то и напрямиком на улицу, – думал тем временем Валерий. – Наверняка здесь есть хоть один охранник. Она сейчас позовет его, и...»

Ничего подобного не произошло. Дама побагровела, шумно задышала, поедая нахала глазами, закашлялась. Она долго прочищала горло, а когда к ней вернулся дар речи, сипло произнесла:

– Вы... серьезно? Про Яну Арнольдовну... что она... ну... господи, не может быть!

Хромов предвидел такой вариант развития событий.

– Вот свидетельство о смерти, – сказал он, протягивая даме захваченную с собой бумагу.

Шелестов весьма ответственно подошел к делу: исполняя поручение своей клиентки, собрал почти все документы, которые могли понадобиться наследнику.

Бумага ходила ходуном в трясущихся руках директорши.

– Боже мой! – запричитала она. – Боже мой! Мы же ничего не знали! Ничего... Мы даже на похороны не пришли. Нам никто не сообщил! Но... что случилось с Яной Арнольдовной? Ей ведь еще тридцати не было, и на здоровье она не жаловалась.

Валерий хотел выяснить у директорши как можно больше, не выказывая, однако, жгучего интереса и не открывая раньше времени свои карты.

– Разве вы не заметили, что она перестала появляться в магазине? – сказал он первое, что пришло в голову.

Дама подняла на него выпученные глаза.

– Так... она всегда приходила раз-два в месяц. Перед Новым годом мы подвели баланс, все подсчитали, она сказала, что собирается заняться ремонтом квартиры, потом съездит куда-нибудь отдохнуть. В общем, раньше марта мы ее не ждали. Магазином заведую я, дела идут хорошо, так что особой необходимости в присутствии госпожи Хромовой не было. Ай-я-яй, горе-то какое!

– Ее убили, – выразительно произнес Валерий, который постепенно обретал уверенность в себе.

Его подстегивал инстинкт самосохранения. Если не принять меры, он может последовать за бывшей женой. Яна, вероятно, что-то предчувствовала: не зря же передала документы на хранение адвокату? А раз так, то теперь в опасности окажется новый владелец имущества, из-за которого Яна рассталась с жизнью. Бандиты не нашли в ее квартире ни денег, ни ценностей, ни документов... рассвирепели и зверски расправились с несчастной. То, что убийцы случайно, по ужасному стечению обстоятельств, забрели к Яне, казалось Хромову полной бессмыслицей.

– Убили-и? – прошептала директорша. – Как? За что?

– Это выяснит следствие.

Хромов собирался задать ей несколько вопросов. Знала ли она предыдущего владельца «Азора»? В каких отношениях он состоял с Яной? Как Яна выглядела, как одевалась?

Последний вопрос мог показаться директорше подозрительным, но Валерию необходимо было понять, что происходило в жизни Яны с тех пор, как он уехал. Он даже открыл рот и... передумал. Рано.

– Ладно, я пойду, – сказал он. – Вы пока работайте.

Директорша так и окаменела в кресле, глядя ему вслед.

Из магазина Хромов направился за урной с прахом покойной супруги. В мрачном полутемном помещении ему выдали в простеньком сосуде то, что когда-то было Яной Хромовой, в девичестве Вербицкой. Не в состоянии отделаться от чувства нереальности, он выполнил все формальности по «захоронению» – урну поместили в специальную нишу в стене, закрыли и сделали соответствующую надпись. Хромов положил на подставку две белые гвоздики, хотел прослезиться – не смог. Постоял истуканом, глядя на буквы и цифры надписи, повздыхал и ушел.

«Ну вот, – подумал он, – теперь душа Яны успокоится, перестанет преследовать соседку. Да и меня тоже».

Падал снег, мело, мороз кусал за щеки. Валерий продрог до костей и все же поехал на Шереметьевскую улицу посмотреть квартиру. Им руководило не столько любопытство, сколько неотступная, гнетущая тревога.

Подъезд дома поразил чистотой, удобными лестницами, хорошим запахом – мастики или лака. Кто-то из жильцов, наверное, занимался ремонтом. Хромов подошел к двери под номером 14, отделанной натуральным темным деревом. Профессиональным взглядом столяра он оценил, сколько стоит такая дверь. Рука сама потянулась к звонку. А вдруг откроет Яна, улыбнется, скажет, что все происходящее – дурной сон, нелепость?

Валерий позвонил. За дверью раздались шаги.

Глава 7

Смирнов не знал, как подступиться к «Молоху». Лобовая атака ничего не дала, а тратить время на хитрости не было желания. Скорее всего, и эта ниточка оборвется, как с тепличным хозяйством.

– Где же искать эту Марину? – в сердцах воскликнул он.

– Ты меня спрашиваешь? – обрадовалась Ева.

Они сидели в маленькой уютной кондитерской, пропахшей кофе и горячим шоколадом. Изнутри зал на несколько столиков напоминал оклеенную бархатом коробку для конфет.

– Хочешь вишневого торта? – вздохнул сыщик. – Или шарлотку закажем?

Он понимал, что Ева тоже не имеет понятия, куда делась Марина. Ни одной стоящей версии у них не было.

– В *жажду Молоха* ты, конечно, не веришь.

– О, Ева! Только не это! – он скривился, как от зубной боли. – Допустим даже, обряд возымел действие. Но не испарилась же Комлева? Где-то она находится! Хотя бы труп должен быть. А может, мы слишком усложняем? И дама просто сбежала с любовником в Сочи? Или попала в больницу, лежит там, не приходя в сознание. Или... черт, дурацкая история!

– Зачем ей сбегать? – не согласилась Ева. – Ее бы и так никто не удерживал. А больницы уже обзванивали Вероника, Стас и ты сам. При Комлевой был паспорт, так что безымянной пациенткой она бы не оказалась. Похищение отпадает из-за отсутствия мотивов. Выкуп платить некому, шантажировать некого – у Марины нет ни денег, ни родни, ни влиятельного возлюбленного. Кто заинтересуется приехавшей из глубинки девчонкой без гроша за душой, которая живет в общежитии, а работает продавщицей на оптовом рынке?

– Да понимаю я, понимаю...

Официантка принесла заказ – целое блюдо сладостей, две большие чашки кофе и охлажденную минеральную воду.

– Тогда Марину заманили в «Молох» и... убили, – предположила Ева, выбирая пирожное. – Чтобы *утолить жажду* ненасытного божества и заодно подкрепить свою репутацию. Страшные слухи поползут по Москве, клиенты валом повалят. Представляешь? Заказал *проклятие* – и все, нет человека: исчез, растворился в задымленном городском воздухе! Киллера нанимать не надо – раз; свидетелей и следов нет – два; неотвратимо – три! От обряда *на смерть* не спасет никакая охрана, никакие меры предосторожности. А главное достоинство этого универсального метода – ненаказуемость. Наше материалистическое мировоззрение – благодатная почва для подобных злодеяний. Поди докажи, что человек испарился в результате колдовских заклинаний! Тебе никто не поверит. В полиции посмеются, в лучшем случае займутся розыском... формально, в худшем – откажут в возбуждении дела. До суда оно не дойдет в любом случае. Отгадай, почему? Возникнет проблема с вещественными доказательствами. Слово к делу не пришьешь, ты сам научил меня такому подходу.

Ева взобралась на любимого конька, и ссадить ее оттуда – Смирнов по опыту знал – было не просто. Но он знал и другое: в словах Евы, какими бы нелепыми они ни казались, всегда присутствует крупица правды.

– Послушай, – миролюбиво начал он. – Давай из мистического тумана вернемся на грешную землю. Допустим, ты права, и «жрецы Молоха» задумали и осуществили рекламный трюк, дабы привлечь клиентов. Но раз им пришлось *убить* Марину, значит, «обряд» не имеет той силы, какую они рекламируют? И остальных жертв им тоже придется лишать жизни вполне физическим способом, а это уже уголовное преступление, за которое предусмотрена мера ответственности. Получается, мы имеем дело с организованной бандой наемных убийц, замас-

кированной под общество «Молох». Так? По-моему, они бы предпочли оставаться в тени, а не выставлять себя напоказ.

Ева задумалась. Она жевала сладости, наслаждаясь их вкусом.

– Прекрасный способ спрятать какой-либо предмет – это положить его на видном месте, – сказала она. – «Молох» прикрывается магической атрибутикой, которую и показывает людям. А что за занавесом, неизвестно.

– Кстати, от кого я услышал о «Молохе»? От Стаса и Вероники. Елкин подтвердил, что они там побывали. Меня будто подталкивают связать исчезновение Комлевой с посещением этого экстравагантного заведения.

Ева с готовностью подхватила его мысль, легко перескакивая от одной версии к другой.

– Вот именно! Вероника и Стас могут оказаться сообщниками, которые убили Марину и пытаются пустить тебя по ложному следу.

– Не забывай, что Киселев сам пришел ко мне с просьбой заняться расследованием и платит немалые деньги, – возразил сыщик. – Он напуган.

– Да, верно... – разочарованно вздохнула Ева. – Значит, убила подругу Вероника. Почему нет? Она влюбилась в Стаса, задалась целью выйти за него замуж, стать на законных основаниях москвичкой, обладательницей жилплощади и материальных благ, которые будет обеспечивать супруг. А тот вдруг начал заглядываться на Марину. Тем более он спас ей жизнь, а *синдром спасателя* как нельзя лучше располагает к любви между мужчиной и женщиной. Вероника в бешенстве и решается на отчаянный шаг: устранить соперницу любой ценой. Ревность, подкрепленная меркантильными расчетами! Чем не мотив?

– Но Стас говорит, что не был увлечен ни Вероникой, ни Мариной. Он просто оказывал им покровительство.

– Мужчина часто не замечает своих собственных чувств, – с жаром произнесла Ева. – Когда они становятся видны даже посторонним, он все еще склонен заблуждаться.

– Принимаю как рабочий вариант, – согласился Смирнов. – Тогда что мы имеем? Вероника – последняя, кто видел Марину живой. С ее слов получается, что девушкам позвонили из тепличного хозяйства, предложили работу и пригласили прийти узнать условия. Марина была выходная, поэтому она поехала на встречу, а Вероника отправилась на работу на рынок. Комлева собралась, взяла с собой паспорт и ушла. Этого факта больше никто не может ни подтвердить, ни опровергнуть.

Ева кивнула.

– Контора, о которой рассказала Вероника, действительно существует. Возможно, они с Мариной и ездили туда, но была ли вторая поездка? Если да, Вероника могла незаметно последовать за подругой, найти подходящее место – темный закоулок, например, или пустынный двор, – убить ее и спрятать труп. А теперь сваливать вину на «Молох» и притворяться испуганной. Возникает вопрос, где же тело? Найдется со временем.

– Когда сойдет снег, – усмехнулся Всеслав.

– В общежитии убивать слишком опасно – звукоизоляция плохая, и от трупа избавляться сложно. Опять же следы останутся: кровь или еще что.

– Алиби Вероники установить проще простого, – сказал сыщик. – Она утверждает, что Марина шестнадцатого января поехала на «Щелковскую» и не вернулась. Дежурные по общежитию и жильцы, которых я осторожно опросил, говорят, что с тех пор Марину не видели. Сведения неточные, но приходится ориентироваться на них. Итак, если Вероника тот день провела на работе, не отлучаясь на длительное время, и есть свидетели, готовые подтвердить факт ее присутствия, – она не убивала. А днем позже Комлева уже не вышла на свое рабочее место, причем без предупреждения.

– Ты побывал на рынке? – прищурившись, спросила Ева.

– Конечно, дорогая. И расспросил всех, кто работает рядом с Вероникой. Она там была, торговала все время, в конце дня сдала выручку и ушла затемно. Несколько раз просила соседку подменить ее – ходила в туалет, но быстро возвращалась. Туалет рядом, сбегать туда-назад занимает не больше десяти минут.

– Все равно, Веронику из списка подозреваемых исключать нельзя. Она заинтересованное лицо! – не сдавалась Ева.

– Не будем. Пусть остается.

В голосе сыщика прозвучала тонкая ирония, которую Ева пропустила мимо ушей. Ее уже занимало другое.

– Кофе совсем остыл, – пробормотала она, сделав глоток. – До сих пор мы обсуждали убийство Марины. А что, если она жива и здорова? Мы же ничего о ней не знаем, в сущности. Молодые женщины, как мы имели возможность убедиться, часто ведут двойную жизнь. Вдруг Марина не исключение?

В кондитерскую зашла пожилая пара – оба седые, интеллигентного вида. Ева невольно обратила на них внимание. Мужчина помогал своей спутнице снять пальто, мокрое от снега. Старики были полны достоинства и трогательной нежности, они излучали взаимное тепло. Было приятно наблюдать за ними.

– Мы будем выглядеть еще привлекательнее, – сказал Смирнов, поглаживая Еву по руке.

– Когда состаримся?

– Когда проживем бок о бок многие годы в любви и согласии... пока нам не наскучит мир людей.

– А потом?

– Мы покинем его без сожаления.

На его губах играла едва заметная улыбка. Ева никогда до конца не понимала, шутит он или говорит серьезно.

Она откусила вишневое пирожное и принялась жевать. Смирнов вернулся к предыдущей теме.

– Думаешь, Марина Комлева ведет двойную жизнь?

Ева пожала плечами. Она вполне допускала это.

– Какого рода? – рассуждал сыщик. – Подпольный бизнес? Проституция? Наркотоργовля? Только не говори, что Марина – агент иностранной разведки.

Ева и не собиралась. Разведка – это слишком!

– Комлева использовала поездку в офис тепличного хозяйства как предлог, чтобы уйти. Предположим, ей необходимо было скрыться, спрятаться, залечь на дно. Поэтому и не предупредила подругу, начались бы расспросы, пришлось бы врать, изворачиваться. А так, ушла – и поминай как звали!

– Я бы поступил по-другому, – покачал головой Смирнов. – Когда человек уходит из дома и не возвращается, его начинают искать, поднимать ненужный шум. Правильнее было бы придумать какую-нибудь длительную поездку или... спровоцировать ссору, например, «побить горшки», разобидеться, собрать вещи и сказать прости-поощай.

– Марина, судя по всему, не семи пядей во лбу, обыкновенная молодая женщина, без образования, без надлежащего воспитания. Ей не свойственно заранее просчитывать свои шаги, плести запутанные интриги. Она действует спонтанно.

– Ничего себе! – возмутился Всеслав. – Жить двойной жизнью при том, что вырос в дет-доме, у всех на глазах; при том, что обитаешь в общежитии, в одной комнате с подругой, с ней же вместе и работаешь, – это надо не семь пядей во лбу иметь, а быть виртуозом лжи и хитро-сти. В какое время Марина занималась тайной деятельностью? Или она умеет существовать в двух лицах: одно здесь, другое там?

– Где «там»?

– Откуда я знаю? Где-то...

– Значит, двойную жизнь вели обе: и Вероника, и Марина. Что-нибудь могло пойти не так... и Марина скрылась, бросила подругу на произвол судьбы. Поэтому та и дрожит от страха. Стас, ничего не подозревая, грешит на «Молох», а Вероника всячески ему поддакивает.

– Вариантов много, – согласился сыщик. – А передо мной стоит конкретная задача: найти Комлеву. Я же в совершенном тупике! Остались две почти безнадежные попытки нащупать след: наведаться в «Молох» и в тепличное хозяйство «Зеленая Роща».

– А в Шахты не хочешь съездить? – ехидно улыбнулась Ева. – В родной городок девушек? Там о них могут знать больше, чем в необъятной Москве.

– Только в самом крайнем случае!

* * *

Улыбка сползла с лица Хромова, когда дверь квартиры № 14 открылась, и на пороге появился здоровенный верзила в футболке и спортивных штанах.

– Тебе чего? – неприязненно спросил он. – Говори быстрее, я хоккей смотрю.

– Вы... живете здесь? – спросил Валерий. Он охрип от волнения.

– Ну! А что я, по-твоему, тут делаю?

– Это... ваша квартира?

Верзила посмотрел на него сверху вниз, хмыкнул.

– Ты из ЖЭКа, парень? Я электрика вызывал, тут с розеткой фигня какая-то... искрит. Как бы пожара не было. Я сутками на работе пропадаю – сгорит все, потом отвечай.

«Он принял меня за электрика, – обрадовался Хромов. – Пока не пришел настоящий электрик, я могу с ним поговорить».

– Вы хозяин квартиры? – с притворной озабоченностью повторил он свой вопрос.

– Не-а, я ее снимаю. А что? Ты иди, чини розетку!

– Кто хозяин? – добивался ответа Валерий.

– Какая тебе разница? – расвирипел верзила. – Ну, Хромова! Только ее здесь нет. Она в другом месте живет. Я за квартиру на год вперед проплатил!

– Хромова? Яна Арнольдовна?

– Наверное. Не помню я ее имени-отчества. Жилье мне агентство нашло, с хозяйкой я виделся, когда деньги отдавал. И все!

Валерий понял, что от квартиранта он больше ничего не добьется.

– Ладно, где неисправная розетка?

Верзила провел его по светлым, просторным комнатам с красивой мебелью, показал розетку.

– Сам-то справишься? У тебя даже инструментов нет! – сообразил гигант. – Ты чего шел сюда? Поболтать?

Хромов растерялся. В электрике он не разбирался: когда жил с Яной, поломки исправляла она. Потом долго пилила его, насмехалась. А дома, в Старице, приходилось обращаться за помощью к соседу.

– Я посмотрю фронт работ, прикину, что надо... потом приду устранять неисправность, – пробормотал он.

– Пото-о-ом? Ну, ты даешь! Экспертную оценку, значит, пришел делать, – зло выкатил глаза верзила.

Валерий скромно опустил голову:

– Так положено.

– Ой, не могу! – потешался над ним квартирант. – Ну и порядки у вас!

Хромов вздохнул свободно уже за дверью, благодаря бога за то, что успел унести ноги до прихода настоящего электрика. Вот влип! Говорить верзиле о смерти хозяйки квартиры он счел неуместным. Главное удалось выяснить: квартира на Шереметьевской принадлежала Яне, как и магазин «Азор», – во всяком случае, официально. То же, вероятно, и с загородным домом. Если покойная была подставным лицом, то владельцы объявятся в ближайшее время.

Наступил вечер. На синем от мороза небе зажигались звезды, луна застыла среди них туманным ледяным блюдцем. В ее мертвящем свете город казался снежным царством, украшенным феерическими огнями. Хромов шел среди укутанных в шубы и шарфы прохожих, ощущая на себе чей-то взгляд. От этого взгляда под шапкой зашевелились волосы, а тело охватила лихорадочная дрожь.

Он поспешил смешаться с толпой, устремившейся в подземный переход, но и там не мог отделаться от невидимого преследователя. Только в тесноте вагона метро Валерию удалось унять беспричинное волнение. Чувство одиночества и незащищенности в набитом пассажирами поезде поразило его своей остротой и безысходностью. Ему некого было звать на помощь... да он и не знал, откуда исходит угроза.

Укравкой наблюдая за окружающими, Хромов не заметил ничего подозрительного или необычного – уставшие после рабочего дня женщины, хмурые мужчины, возбужденные, болтающие друг с другом студенты, – все как всегда. Кто-то читает, стоя, кто-то, сидя, дремлет, кто-то думает о своих проблемах, кто-то разговаривает.

– Будете выходить? – хихикая, спросили его молоденькие девчушки в разноцветных шапочках. От них пахло цитрусовыми духами и сигаретами.

Валерий посторонился, пропустил их к дверям. За окнами пролетали станции и стены туннеля, увешанные кабелями, – то тьма, то свет... Мелодичный голос женщины-диктора объявлял: «Осторожно, двери закрываются...» Гул голосов сливался с шумом поезда; лица людей, рекламные картинки на стенах вагона пестрели перед глазами...

Чей-то локоть больно уперся в бок Хромова, заставил очнуться.

– Уснул, что ли? – выразили недовольство две полные дамы с объемными сумками, пробираясь к выходу.

Вагон быстро пустел. Хромов вышел на «Кунцевской», побрел по тротуару, скользкому от снега, утоптанного сотнями ног. Ледяной воздух врывался в легкие, выходя наружу белыми облачками пара... Лунное сияние дрожало на фасадах домов, похожих на пчелиные соты. Белые от инея деревья, похожие на вмерзших в рисунок города уродцев, резали ночное пространство на множество черных осколков. Как будто погребенные в толще земли гиганты тянули наружу окоченевшие руки со скрюченными пальцами. Посреди этого ирреального каменно-снежного мира Хромов чувствовал себя чужаком на вымершей незнакомой планете, за каждым шагом которого пристально следит незримый хозяин. Даже фонари и освещенные окна не оживляли этот леденящий душу пейзаж.

Валерий не чаял добраться домой, и когда закрыл за собой дверь квартиры, торопливо разделся и встал под душ. Горячая вода не согревала, а больно била по телу, с которого будто сняли кожу.

– Нервы, – бормотал он. – Нервы... ни к черту не годятся. Слишком много переживаний за двое суток, проведенных в Москве.

Он насухо вытерся жестким, коротким полотенцем, облачился в линялые спортивные штаны и майку, поставил чайник. Легким головокружением и тошнотой заявил о себе голод. Хромов вспомнил, что целый день ничего не ел.

На полке кухонного шкафчика стояла полупустая банка с порошком, напоминающим плохой кофе со сливками и сахаром. Он растворил его в кипятке, выпил. Что делать дальше? Ждать настоящих хозяев, которым рано или поздно потребуются документы на право соб-

ственности? Уезжать в Старицу? Или пожить здесь некоторое время: вдруг заявят о себе другие наследники?

Хромов не понимал, зачем Яна согласилась стать мнимой владелицей чужого добра. Что ей посулили? Деньги, наверное. Деньги... они, проклятые, всему виной. Смерть Яны вовсе не трагическая, нелепая случайность – это расплата за ложь, за недовольство жизнью, за обиду на белый свет. Хотела выбраться из нищеты? Выбралась... только какой ценой?

Громкий стук и возня на лестничной площадке привлекли внимание Валерия. Он прислушался, по спине пробежал холодок: уж не убийцы ли пытаются проникнуть в квартиру Яны? Они не нашли здесь главного – документов – и решили вернуться, поискать более тщательно.

Хромов на цыпочках прошел к дверям, прильнул к глазку. Грузный мужчина с руганью тащил вверх откормленного бульдога. Тот отчаянно сопротивлялся, не желая идти домой.

– Фу, Деррик! – донеслось до Хромова. – Не смей трогать кошек! Забудь о них!

Вот в чем дело – сосед не может справиться со своим псом, тем самым Дерриком, обнажившим тело Яны. Всего-то!

Валерий вернулся в кухню, плюхнулся на табуретку и прошептал:

– Я в этой квартире сойду с ума от страха.

Ему никто не возразил.

Из окон дуло, батареи были едва теплые – неудивительно, что он никак не мог согреться. «Надо пойти и лечь спать! – приказал себе Хромов. – Укрыться двумя одеялами и уснуть... отключиться от всего».

За два этих дня в Москве он повзрослел лет на десять. Мысли изменились, чувства, появилось ощущение себя как человека, от которого кое-что зависит. Предыдущая жизнь показала затянувшимся отрочеством, откуда Хромов сделал первые шаги в мужской игре. Судьба потеряла терпение и выбила у него почву из-под ног, бросила не умеющего плавать в реку – барахтайся, кричи, глотай воду, но держись на поверхности. Выбор невелик: или поплывешь, или пойдешь ко дну.

– Весело... – прошептал он, укладываясь на кровать и натягивая одеяло. – Ой как весело.

Его взгляд блуждал по полкам с книгами – не придет сон, можно будет почитать. Вспомнился торговый зал магазина «Азор»: витрины с антикварными изданиями, яркие обложки современных романов, литература разных жанров... что-то засело в уме, беспокоило. Валерий пытался собраться с мыслями, отыскать причину тревоги. Не получалось.

– Я должен понять, – твердил он, проваливаясь в приятную дрему. – Должен догадаться...

Наконец усталость взяла свое, и Хромов уснул.

Лучше бы он просидел всю ночь за чтением! Вереница кошмаров не отпускала ни на мгновение – он просыпался в холодном поту, засыпал, и ужасы продолжались. Снилось Яна – она снимала кожу со своего лица, и на его месте оставалось кровавое месиво.

– Что, боишься? – спрашивала она. – Некрасивая я стала? Так ведь не было ее никогда, красоты-то. Выходит, и жалеть не о чем.

– Яна, как же это случилось? – растерянно пятился от нее Валерий. – Зачем ты согласилась оформить на свое имя чужое имущество? Откуда у тебя счет в банке? Откуда деньги? С тобой расплатились за оказанную услугу... а потом убили?

– Так надо было...

Яна меркла, становилась все бледнее, прозрачнее и растворялась в воздухе. Хромов вскакивал, дышал со свистом, сердце бешено колотилось... обступившая со всех сторон темнота была полна демонов. Он падал на подушку и проваливался в следующий кошмар.

Яна снова стояла перед ним, держала в руках урну с собственным прахом.

– Все, что осталось от меня прежней, – говорила она, и по ее окровавленным щекам текли слезы. – Теперь ты отвечаешь за мое будущее. Смотри не подведи!

– К-какое будущее? – заикался от ужаса Валерий. – Ты мертва, а я жив.

– Ошибаешься... – шипела она, угрожающе придвигаясь к нему. – Ошибаешься... скоро все встанет на свои места.

Он просыпался от своих же стонов, открывал глаза... было слышно, как воет за окнами ветер, что-то потрескивает, шелестит в глубине квартиры, словно невидимая рука листает и листает страницы нескончаемой книги.

Утром Хромов едва поднялся – лицо серое, под глазами мешки, в груди – тяжесть. Опять вроде без повода вспомнился магазин «Азор»: витрины, обложки новых изданий...

– Что я там увидел? – спросил он свое отражение в зеркале. – Что? Что...

Глава 8

На другом конце Москвы у окна старинной квартиры стоял и любовался морозным расцветом Леонард Казимирович Войтовский – мужчина среднего роста, коренастый, крепкий, что совершенно не портило его изящных движений, а изысканным манерам даже придавало некий шарм. В его роду были польские шляхтичи, чем Войтовский гордился, но не кичился.

Выглядел он лет на сорок. Черные волосы с редкой сединой слегка вились, выразительные глаза и нос с горбинкой делали его лицо оригинальным и привлекательным, а красивая линия губ и ямочка на подбородке говорили о развитой сексуальности. Моложавость являлась семейной чертой Войтовских: и мужчины, и женщины жили долго, сохраняя бодрость духа, упругое тело и кожу без морщин. Дед Леонарда занимался ресторанным бизнесом в Канаде и оставил внуку отлично налаженное дело, солидный капитал. Чтобы жить, ни в чем себе не отказывая, хватит с лихвой.

Войтовский получил прекрасное образование; благодаря деду говорил на трех языках и жил то в Канаде, то в Москве. От скуки он занимался переводами, пробовал себя в медицине – бросил; кулинария тоже быстро ему надоела, и Леонард начал разводить скаковых лошадей. У него была небольшая ферма, где выращивали этих животных только из любви к их красоте.

В последние годы Войтовский много времени проводил в Москве – здесь он родился и вырос, окончил школу. Его отец и мать много пережили в связи с эмиграцией деда, им так и не удалось *выбиться в люди*. Скомпрометированная репутация катком прошла по их судьбе, а вот сыну повезло: политический климат изменился, и Леонард смог выезжать из страны, регулярно гостить у богатого родственника, изучать языки.

Когда отец Леонарда умер, мама уехала в Канаду навсегда. Она и слышать не желала о России. Талантливая пианистка, она вынуждена была работать концертмейстером в клубных кружках художественной самодеятельности, получать гроши и в свободное время давать частные уроки. Ее даже в музыкальную школу не брали, то мотивируя отказ отсутствием вакансий, то открыто ссылаясь на сомнительные родственные связи.

В Канаде Зося Войтовская уже не помышляла о работе, зато она смогла позволить себе приобрести прекрасный немецкий рояль и музицировать для души. Она играла Шопена, Брамса и Рахманинова. Редкие гости, посещающие большой, комфортабельный дом ее отца, приходили в восторг, аплодировали, осыпали исполнительницу комплиментами. Старик Войтовский расцветал от удовольствия.

– Привози внука, Зося, – просил он дочь. – Хочу видеть продолжение нашего рода.

Но Леонард продолжал жить на два дома, не спеша оставлять Москву. Он не понимал, что его держало здесь, в России. Стоило ему увидеть могучие ели в снегу, услышать скрип санных полозьев или звон колоколов деревенской церквушки, как в груди поднималось странное волнение, и Войтовский, не отдавая себе отчета, стремился сюда вновь и вновь.

– Россия обладает особым магнетизмом, – понимающе кивал головой дед. – Эта великая, загадочная страна никого не отпускает из своих мучительных и сладостных объятий. Ее нельзя забыть. Но посмотри вокруг, мой мальчик, – в Канаде такая же природа! А ты вообще городской житель.

Канадский пейзаж, казалось, повторял захватывающие дух российские просторы: те же ели, сосны, те же березы... тот же снег и розовое морозное небо. Но чего-то не хватало. Леонард не мог объяснить, почему его тянет в Россию. Это понимание пришло позже.

Дед умер в преклонном возрасте, и Войтовский разбогател. Ему пришлось вникать в тонкости ресторанного дела, знакомиться с персоналом и наемными директорами, с законами чужой страны, ее образом мыслей. Наконец, освоившись на новом для себя поприще, Леонард

Казимирович наладил бизнес, оставил маму управлять ресторанами и коневодческим хозяйством, а сам снова подался в Москву.

– Куда ты, Леон? Зачем? – сокрушалась Зося.

Ее стан все еще оставался прямым, походка твердой, волосы густыми, лишь слегка посебранными сединой, а лицо гладким, строгим, с красивыми чертами.

– Приведу в порядок могилу отца, – отводил глаза Леонард. – Посмотрю, как там московская квартира.

Неожиданно Зося заплакала.

– Женись, Леон, – попросила она. – Теперь средства позволяют тебе выбрать любую девушку, обеспечить детей, которые у вас будут. Я хочу подержать на руках внука или внучку, прежде чем... чем...

– Мама! Прекрати. Войтовские живут долго.

– А папа?

– Он Ляшкевич, – возразил Леонард. – Ты же не зря осталась со своей фамилией и мне ее дала? Кстати, отец не возражал?

– Нет. Он во всем соглашался со мной.

К чести Зоси, она с достоинством носила дискредитированную фамилию и, выйдя замуж, не пожелала ее менять. Мало того, она и сына записала как Войтовского. Супруг отнесся к этому с пониманием и стойко переносил все тяготы, сопряженные с «эмигрантским родством».

– Если Леон будет Ляшкевичем, наш род прекратит свое существование, – говорила Зося.

Она хотела, чтобы единственный сын женился и произвел на свет потомство, продолжил славную фамилию. Кому останется добро, накопленное ее отцом? Государству? Благотворительным организациям?

– Еще не время, – отнекивался Леонард. – Да и женщины подходящей нет на примете.

Последний аргумент возымел действие: Зося принялась подыскивать для сына невесту. Знакомила, сватала... но все как-то не складывалось. Леонард охотно шел навстречу матери, встречался с претендентками на его руку и сердце, демонстрировал чудеса галантности, без труда очаровывал дам, но... по мере общения с ними обнаруживал недостаток за недостатком. Та излишне болтлива, другая постоянно молчит, третья худа, как сушеная рыба, четвертая много ест, пятая ничего не читает, кроме женских журналов, шестая... впрочем, перечень можно было продолжать до бесконечности.

У Зоси опустились руки.

– Неужели тебе никто не нравится? – с отчаянием спрашивала она. – Такие милые девушки!

– Разумеется, они все прелестны, каждая по-своему, – учтиво отвечал Леонард. – Но ведь любовь выбирает не глазами, а сердцем.

– И что же твое сердце?

– Молчит!

Нельзя сказать, что Войтовский вовсе не имел интимных отношений с женщинами. Он менял любовницу за любовницей и слыл ловким волокитой. Прекрасных дам это не пугало, а, напротив, привлекало. Они слетались к Леонарду, как пчелы к блюдечку с вареньем в надежде полакомиться. И многие достигали успеха, но женить на себе Войтовского еще не удалось ни одной из них.

Он намеренно избегал брачных уз. Женщины быстро ему надоедали – накрашенные личики, модные прически, дорогие туалеты, одни и те же слова, – в сущности, они повторяли друг друга, меняя разве что внешний вид. И в ночном клубе, и на прогулке, и в постели они были одинаковы, как бесчисленные копии, выполненные по заданному образцу.

– Чего тебе не хватает? – спрашивала мать. – Что ты ищешь?

Если бы Леонард знал ответ! Он считал, что людей должно связывать нечто большее, чем заурядное знакомство. Великие истории любви складывались из драгоценного сплава чувств и высокой цели, поэтому они несли в себе то, чему невозможно противостоять. Антоний и Клеопатра, Жозефина и Наполеон, Екатерина II и Потемкин... не просто возлюбленные – король и королева на шахматной доске под названием Жизнь. Они играют свою партию в окружении второстепенных фигур, их выигрыш или проигрыш одинаково грандиозны, одинаково потрясают.

Если раньше целью Войтовского было благосостояние, а выражаясь проще – деньги, то теперь он их получил. Понадобилась новая цель, которая увлекла бы, заставила сердце замирать от предвкушения грядущих событий, трепетать в ожидании. Что бы это могло быть? Слава? Власть? Известность? Неукротимая страсть? Что?

По мнению Войтовского, настоящее возбуждение могут дать только две вещи: любовь и власть. Или власть и любовь. Как ни крути, как ни меняй их местами, сочетание остается тем же.

Однако как получить желаемое? Слава ему не светит: переводы для журналов, которыми он занялся, не принесли ни удовлетворения, ни признания; блестящим хирургом уже не станешь, поздно; совершить прорыв в медицине, изобрести какое-нибудь фантастическое лекарство не так-то легко, на это уйдут годы, да и рвения к кропотливым исследованиям Леонард Казимирович в себе не чувствовал. Придумать небывалый кулинарный рецепт? Смешно, ей-богу! «Макдоналдс» все равно не переплунешь. Вывести породу чистокровных арабских скакунов? Это уже и без него сделали. Таланта к искусствам всевышний Войтовскому не дал. Политика вызывала у Леонарда стойкое отвращение. Соблазнить голливудскую кинозвезду? Честно признаться, ему не нравились заокеанские красавицы. Что-то в них было искусственное, как у поставленного на поток изделия, – длинные ноги, фарфоровая улыбка, сформированные пластическими операциями лица и тела. Индустрия! Этим все сказано. Красавицы на экранах плакали, смеялись, любили, умирали, произносили трогательные монологи... а Леонард им не верил. Он вообще не признавал кино.

«Я не такой, как все, – думал Войтовский. – Моя исключительность должна быть чем-то подтверждена. Моя жизнь – словно подготовка к некоему тайному свершению, сродни алхимическому акту превращения металла в золото. Когда настанет мой час, невидимая сила даст мне знак и я начну действовать. Я не знаю, что это будет... что-то непостижимое и великолепное, недоступное всем остальным. Я хочу испытывать сильные чувства и сполна насладиться вкусом настоящего приключения! Исходя из моего предназначения, я могу связать себя только с женщиной необычной, устремленной к чему-то большему, нежели заурядная *человеческая жизнь*. Детство, школа, приобретение профессии, семья, дети, работа, чтобы прокормить себя и семью, внуки, старость и смерть – какой тоскливый, скучный круг, который выходит из *небытия* и туда же возвращается. Бессмысленный в своей однообразной повторяемости, в одинаковости начала и конца: откуда пришел, туда и уйду. А зачем приходил? Ради чего все это?

Иногда Леонарду казалось: эти мысли нашептывал ему кто-то со стороны, темной и непроницаемой, как то неведомое, что скрывается *за* звездами. Бархатная неподвижная чернота без границ, без времени... просачивалась в его мир то видениями, то странными, тревожными предчувствиями, невыносимыми, манящими.

Какое-то мистическое, торжественное оцепенение охватывало его при виде простирающихся до горизонта необъятных заснеженных российских просторов... вековых лесов, застывших в сиянии холодного солнца; нескончаемых пустынных дорог среди этих лесов и равнин. Снега по величию, которое они придают ландшафту, можно сравнить только с песками.

Однажды Войтовскому пришла в голову идея, что именно здесь, в завьюженной, морозной Москве, он должен встретить свою судьбу и взглянуть ей в лицо. И тут, как в русских народных сказках, – словно появилось золотое яблочко и покатилося впереди, указывая дорогу.

Событие за событием привели Леонарда к тому положению вещей, в котором ему теперь предстояло действовать.

* * *

Ева крутилась у зеркала, разглядывая себя в новом наряде.

– Ну как, нравится?

Славка с сомнением пожал плечами:

– Блеска не многовато?

– Ты что? – возмутилась Ева. – Сейчас это модно. Последний писк!

Платье Евы состояло из трех частей – атласной юбки чуть ниже колен, бархатного корсажа и полупрозрачного гипюрового верха с пышными рукавами. Верх был расшит бисером и стразами, а довершал модель черный пояс на бедрах, украшенный впереди массивной блестящей пряжкой.

Еву не смущало, что ее фигура далека от идеала подиума: вместо костлявой худобы – пышные формы; вместо «ног от ушей» – обычные ноги с полными икрами и тонкой, изящной лодыжкой; вместо высокого роста – средний. Не классические, но милые черты лица, огромные, чуть раскосые глаза и густые волосы пшеничного цвета делали облик Евы немного провинциальным, а в подобном платье она выглядела... весьма своеобразно.

Что и попытался выразить Смирнов, в самой деликатной манере, разумеется.

– Вот еще! – фыркнула она, выслушав его робкие замечания. – Женщине идет то, что она хочет носить! Понятно? При чем тут моя фигура? Я не собираюсь морить себя голодом в угоду мужчинам!

В подтверждение своих слов Ева закончила примерять обновки и отправилась вынимать из духовки гуся с яблоками.

– У нас сегодня царский обед в честь моих покупок, – любясь румяной гусиной тушкой, заявила она. – Я собираюсь сполна насладиться едой!

Всеслав нарезал истекающее соком мясо. После такой трапезы захочется полежать на диване, а не тащиться на окраину города и следить за домом, где отправляют свои зловещие ритуалы члены общества «Молох». Вдруг все же удастся подловить их на чем-нибудь?

– Снег такой валит, – сказала Ева, уловив его мысли. – Машину не бери, застрянешь где-нибудь.

– Что же мне, на морозе стоять прикажешь?

– Спрячешься в соседнем подъезде, – посоветовала она. – Или в подъезде дома напротив.

– И что я оттуда увижу? Метет, как в тундре.

– Зато и тебя не увидят.

Смирнов вздохнул, положил себе вторую порцию гуся. Ева очень вкусно готовит, когда захочет.

– Я съезжу в Зеленую Рощу? – спросила она. – Поговорю с женщиной, которая набирала персонал. Вдруг она запомнила Марину Комлеву?

– И что дальше? – перестал жевать сыщик. – Даже если запомнила, нам это не поможет. Скажет, да, приходила такая... собиралась работать в теплицах, а потом ушла и с тех пор не появлялась. Бывает! Планы внезапно поменялись, или передумала, другое место подвернулось, более выгодное.

Ева упрямо покачала головой.

– Ты сам говорил, что нужно отработать все варианты. Отрицательный результат позволит мне переключить внимание на что-то другое. Ведь я хожу и хожу с мыслями о тепличном хозяйстве. Получается, не Вероника, а кадровичка из Зеленой Рощи видела Марину последней.

– Ты уверена, что Комлева к ней приходила?

– Если Вероника ее не убила по дороге, то...

– О-о! – закатил глаза Всеслав. – Драма в зимней Москве! Коварная подруга жестоко расправляется с соперницей! Причиной для убийства послужила ревность. Роковой мужчина, посеявший раздор между дамами, – молодой перспективный управляющий филиалом банка Стас Киселев! Только где труп? Нет тела, нет и дела, как говорят криминалисты.

– Не паясничай.

– Ладно, – легко согласился он, принимаясь за гусиное мясо.

У Евы испортилось настроение.

– Умеешь ты зарубить хорошую версию, – вздохнула она. – Надеюсь, Зеленая Роща – живописный поселок. Хоть прогуляюсь.

– Завтра вместе поедем.

– Нет, – возразила Ева. – Не стоит терять время.

Из дома они вышли порознь – сначала Ева, потом Смирнов.

На улице было бело от летящего снега, ветер налетал порывами, закручивал вихри – приходилось прятать лицо. «Не самая подходящая погода для слежки», – подумал сыщик. По дороге он заскочил в супермаркет, купил сигареты, семечки и маленькую бутылку коньяка – греться.

Через сорок минут он уже занял позицию для наблюдения за входом в «Молох». Из окна лестничной площадки дома напротив была видна дверь, которая оставалась закрытой: никто не входил, не выходил. Редкие прохожие торопливо пробежали мимо.

Смирнов курил, грыз семечки, грелся у батареи – так минуло полтора часа. За это время в подъезд дома, где он расположился, вошли три человека: пожилая женщина с хозяйственной сумкой и два подростка. Все они воспользовались лифтом. Выходили двое – девушка в спортивной куртке и мужчина средних лет. Наличие лифта спасало Всеслава от любопытных взглядов.

Однако его не интересовали ни жильцы дома, давшего ему временный приют, ни их гости. А дверь «Молоха» все не открывалась, в окнах не было света. И правильно, кто же днем свет зажигает?

Изнывая от скуки, сыщик дождался сумерек. Лифт ездил вверх, вниз, хлопала дверь парадного, гулко прокатывалось эхо шагов... кто-то выпустил кошку, она стремглав промчалась по лестнице мимо. Он для развлечения считал входящих и выходящих. Потом Смирнову это надоело. Он решил подумать: сосредоточиться, применить дедуктивный метод к розыску Марины Комлевой. Куда ее черти занесли?

«Ты сердисься, – сказал он себе. – Значит, ты не прав. Марина ни при чем, ее жизнь пересеклась с твоей не по ее воле. Просто ты никак не можешь найти кончик ниточки, который потянется и приведет тебя к разгадке».

Итак, какие имеются исходные данные? Вот чистый факт: женщина ушла из дома и не вернулась – даже это не бесспорно, хотя и наиболее вероятно. Убивать в общежитии, полном проживающих, при тонких стенах, хлипких дверях, множестве настороженных ушей и любопытных глаз, – слишком рискованно. Любой мало-мальски здравомыслящий преступник выбрал бы более безопасный и удобный путь для осуществления своей цели. Значит ли это, что Марина все же покинула стены общежития? Скорее всего, да. А дальше ее судьба теряется в снежной мгле зимнего города. Куда подалась Комлева? Скрылась от неизвестных преследователей? Стала жертвой маньяка? Убита собственной подругой? Умерла от сердечного приступа? Попала в аварию, оказалась под колесами автомобиля? Но в службе «Скорой помощи» нет сведений о ней, а в городских моргах нет неопознанного трупа, похожего на труп Марины. Выехала из Москвы и умерла в дороге: в поезде дальнего следования, например, в автобусе или самолете? Но у нее был при себе паспорт, дающий возможность установить личность. Сбежала

с любовником? Но от кого? От его жены? И такая догадка имеет право на существование. Тогда поиски могут затянуться надолго.

Одну возможность Смирнов склонен был отвергнуть – *проклятие Молоха*. Уж очень смутно, расплывчато и недоказуемо. И потом, не может же человек бесследно испариться? Он либо мертв, либо прячется, либо его где-то заперли и не выпускают, либо... вследствие бессознательного состояния или внезапного помрачения рассудка не в силах вспомнить, кто он. Последнее верно при отсутствии у него документов. Допустим, Марину ударили по голове, украли сумочку, где лежал паспорт... и все это произошло с ней за пределами Москвы...

Двое мужчин подошли к двери, за которой наблюдал Всеслав, и остановились перед ней. Кажется, открывают? Сыщик сразу перестал рассуждать, замер. Неужели ему повезло и в такую непогоду последователи *финикийского культа* все же собираются предаться своим экзотическим играм?

Бронированная дверь отворилась, и мужчины вошли внутрь. Спустя минуту зажегся свет в одном из окон. Смирнов запасся терпением – придется ждать, ибо *друид* говорил, что ритуалы совершаются под покровом ночи. Может, сменить место наблюдения?

Сыщик перешел в соседний подъезд – здесь жилыцы его еще не видели – и прикинулся тоскующим влюбленным. Для этого он достал из-за пазухи букет искусственных цветов, упакованный в несколько слоев специальной полупрозрачной обертки. Издалека цветы не отличить от настоящих.

Роль ему удалась. Парочка долговязых девиц, спускающихся по лестнице, захихикала.

– Вальку ждешь? – развязно спросила та, что была укутана в пестрый шарф с бахромой из шерстяных шариков.

– Ага...

– Юрки не боишься? Он таких, как ты, не жалует.

– Пусть Юрка меня боится, – не очень уверенно пробасил Смирнов. Он опустил голову, пряча лицо.

– Гляди, какой смелый! Ну-ну! – засмеялись девчонки, пробежали вниз, хлопнули дверью парадного.

Всеслав был благодарен какой-то любвеобильной Вальке за невольную помощь. Другие жилыцы наверняка тоже примут его за незадачливого ухажера.

Время текло невыносимо медленно. Сыщик уговаривал себя ждать. Чего? Он и сам не знал. Строить догадки по поводу исчезновения Марины надоело: все варианты перебраны по нескольку раз, а воз и ныне там. Если молодая женщина уехала из города, попытки отыскать ее обречены на неудачу. Если же она продолжает оставаться в Москве...

И снова движение у двери «Молоха» помешало ему логически завершить мысль. Несколько человек, среди которых была одна женщина, сгрудились у входа. Видимо, они воспользовались переговорным устройством... потому что их впустили. Так продолжалось в течение часа: люди подходили, говорили условную фразу или слово-пароль, дверь открывали, впускали прибывших и опять закрывали. Смирнов насчитал тринадцать человек.

– Чертова дюжина, – прошептал он. – Все правильно!

Стемнело. На улице бушевала метель, фонари тускло светили сквозь пелену летящего снега.

Сыщик счел нужным сменить точку наблюдения – еще по дороге к дому, где расположился «Молох», он заметил маленькое круглосуточное кафе. Днем оно пустовало, а вечером, по словам официантки, туда сходились завсегдатаи – поболтать, попить кофе. В зале стояли деревянные столики, стулья с резными спинками, горели гирлянды из разноцветных лампочек, и было гораздо теплее, чем в подъезде.

Пока Всеслав добежал до кафе, он стал похож на снеговика. Больше всего на свете ему сейчас хотелось горячего чая с лимоном. В приятном полумраке мигали лампочки, приглу-

шенно звучала музыка. За столиком у окна, откуда был виден вход в «Молох», сидел скучающий молодой человек в свитере грубой вязки. Он не возражал, чтобы кто-нибудь нарушил его одиночество.

– У меня провалилось свидание, – удрученно «поделился горем» Смирнов.

Парень понимающе кивнул.

– Не дождался?

– Я замерз, как собака, а она не пришла. Представляешь?

– Плюнь, – лениво посоветовал парень. – Забудь. Другую найдешь.

– Думаешь, не стоит ей звонить? Давай выпьем, я угощаю.

Слово за слово, они разговорились.

– Мы на тусовку собирались, в «Молох», – доверительно, как старому знакомому, сообщил Всеслав молодому человеку. – Не приходилось бывать?

– Там? Не-е-ет. Мне такое баловство не по душе. Я в Бога верую.

– Да ты что? – преувеличенно удивился сыщик. – А при чем тут вера?

– Ребята местные рассказывают про этот «Молох» разные ужасы. Ихний *Главный* – настоящий черный маг! Порчу может навести, проклятие наслать и вообще... лучше от них держаться подальше. Про вампиров читал?

– Ну.

– Так в «Молохе» этом еще хуже! Они питаются человеческой энергией, понимаешь?

– Кровью, что ли?

– Кровью примитивно, – возразил парень. – Мне друзья говорили, им за большие бабки можно даже убийство заказать. Они на расстоянии всю энергию из человека высосут и... все, кранты ему! Поминай как звали.

Беседа увлекла Смирнова, но парень вдруг замолчал, будто воды в рот набрал. Не развязал ему язык и коньяк.

Сыщику ничего не оставалось, как пить чай и незаметно поглядывать на заветную дверь.

Наверное, из-за погоды ритуал окончился быстрее, чем обычно, – на улицу один за другим начали выходить последователи *финикийских традиций*.

– Ладно, пока, – попрощался с парнем Смирнов. – Пойду домой. Транспорт и так плохо ходит, а тут метель разыгралась.

– Иди, – кивнул тот. – Мне не страшно, я рядом живу.

Всеслав с сожалением вышел на улицу из теплого кафе. По его подсчетам и прикидкам, в «Молохе» остались двое – *Главный* и его охранник. Глаз у сыщика был наметанный, интуиции не занимать: он почти не сомневался в правильности вывода. Видать, *Главный* на черную магию не особо полагается, раз при нем охранник. Вот и славно! Без магии оно как-то спокойнее.

В этот момент дверь отворилась, и в снежную круговерть выскользнули две темные фигуры...

Глава 9

Вероника Грушина не была суеверной, суровое детство не располагало к подобным пред-
рассудкам. Заботиться приходилось о выживании, а не о глупостях вроде привидений, чертей и
прочей нечисти. Как всякие дети, – натура человеческая проявляется не только в кругу семьи,
но и в любом другом, где выпадает расти ребенку, – они пугали своих сверстников и сами
пугались «черной руки», вампиров и призраков. Развлекались. Но столкнуться нос к носу с
представителями *темных сил* Веронике довелось только здесь, в Москве, когда Стас – и что
ему в голову взбрело? – повел их в «Молох». Вероника-то хихикала, но... на самом деле ее
пробрала жуть. Похожие чувства испытывала и Маринка – они потому и стали неразлейвода,
что думали и чувствовали в унисон.

В детский дом иногда приглашали священника – на Рождество, на Пасху и некоторые
другие религиозные праздники. Он рассказывал о заповедях Христа, о любви к ближним, о
грехах и о том, как жили святые люди. Вероника с Маринкой маялись, как и большинство
подростков, слушали вполуха, изнывая от нетерпения: когда же, наконец, начнут раздавать
подарки? Хотелось конфет, печенья и мандаринов, а не скучных проповедей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.